

КНИГА ТРЕТЬЯ,

или послѣдній отвѣтъ блаженнаго Іеронима противъ сочиненій Руфина.

1. Прочитавъ письмо твоей мудрости, въ которомъ ты нападаешь на меня и въ которомъ того, кого ты нѣбогда восхвалялъ и называлъ истиннымъ товарищемъ и братомъ, теперь книгами вызываешь на отвѣтъ и устрашаешь доносами, я понялъ, что на тебѣ исполнилось оное изреченіе Соломона: *изъ устъ безумныхъ жезлы досажденія* (Притч. 14, 3) и: *не требуетъ премудрости мужъ скудоуменъ, зане паче водится безуміемъ* (Притч. 18, 2). И Исаія говоритъ: *юродъ бо юродивая изречетъ и сердце его тщетная уразумѣтъ, еже совершати беззаконная, и глаголати на Господа прелесть* (Ис. 32, 6). Ибо какая была необходимость посылать обвинительные томы и представлять мои ошибки, когда ты въ послѣдней части письма грозишь мнѣ доносомъ и смертію, чтобы я не смѣлъ отвѣчать на обвиненія или, лучше, на похвалы твои? Ибо одно и тоже ты восхваляешь и обвиняешь, и изъ одного источника выходитъ сладкое и горькое. Поэтому прошу тебя, чтобы прежде ты самъ соблюдалъ ту скромность и стыдливость, которыхъ требуешь отъ меня, и, обвиняя другаго во лжи, самъ пересталъ лгать. Я никому не дѣлаю соблазна и не доношу, между прочимъ, на тебя, ибо имѣю въ виду не то, чего ты заслуживаешь, а что мнѣ прилично, и страшусь изреченія Спасителя, который говоритъ: *уже аще соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Мя, доброе есть ему паче, аще облежитъ камень жерновный о выи его, и вверженъ будетъ въ море* (Матф. 9, 42), и: *горе міру отъ соблазны: нужда бо есть приити соблазнамъ;*

обаче горе челоуѣку тому, и мже соблазнъ приходитъ (Матѣ. 18, 7). Могъ и я взвести ложь на тебя и сказать, что я слышалъ или видѣлъ то, о чемъ никто не говорить, чтобы люди незнающіе наглость считали правдою и раздраженіе твердостію. Но да не будетъ, чтобы я подражалъ тебѣ и самъ дѣлалъ то, что порицаю въ тебѣ! Пусть говорятъ о мерзостяхъ тотъ, кто можетъ дѣлать мерзости: *лукавый челоуѣкъ отъ лукаваго сокровища сердца износитъ лукавая* (Матѣ. 12, 35). *Отъ избытка сердца уста глаголютъ* (Лук. 6, 45). Пусть между прочимъ для тебя будетъ та выгода, что бывшій нѣкогда твоимъ другомъ, теперь, будучи обвиненнымъ, не хочетъ обличать тебя въ гнусностяхъ. И это я говорю не потому, что боюсь мечей твоего обвинения, а потому, что желаю болѣе быть обвиняемымъ, чѣмъ обвинять, и болѣе терпѣть, чѣмъ наносить обиду, зная заповѣданное апостоломъ: *не себе отмщающе, возлюбленніи, но дадите мѣсто гнѣву; писано бо есть: Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ, глаголетъ Господь. Аще убо алчеть врагъ твой, ухлѣби его, аще ли жаждетъ, напои его; сѣ бо творя углѣе огненно собираеши на главу его* (Рим. 12, 19—20; Второз. 32, 35). Ибо кто мститъ за себя самого, тотъ не заслуживаетъ, чтобы мстилъ за него Господь.

2. И однако прежде, чѣмъ отвѣчать на твое письмо, мнѣ хочется допросить тебя, старѣйшій изъ монаховъ, добрый пресвитеръ, подражатель Христовъ: какъ можешь ты убивать брата своего, котораго если ты только ненавидишь, то оказываешься челоуѣкоубійцею? Научился ли ты отъ Спасителя ударяющему по щекѣ подставлять и другую? Самъ Онъ такъ отвѣтилъ своему мучителю: *аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ; аще ли добръ, что Мя биеши* (Іоан. 18, 23)? Ты грозшишь смертію, которую могутъ причинять и змѣи. Смерть есть удѣлъ всѣхъ, а челоуѣкоубій-

ство—самыхъ злыхъ. Вѣдь чтоже? Если ты не убьешь меня, развѣ я буду безсмертенъ? Я даже благодаренъ тебѣ, что изъ необходимаго ты дѣлаешь доблестное. Не разногласили ли, сохраняя взаимную дружбу и апостолы, когда Павелъ и Варнава пререкались изъ-за Іоанна, по прозванію Марка, и когда мореплаваніе раздѣлило тѣхъ, кого соединило евангеліе Христова? Тотъ же Павелъ не противусталъ ли лично Кифѣ изъ за того, что тотъ не прямо поступалъ по евангелію? И однако онъ называетъ его своимъ предшественникомъ и столпомъ церкви и предлагаетъ вмѣстѣ съ нимъ проповѣдь, чтобы не напрасенъ былъ его настоящій или прежній подвигъ. Не разногласятъ ли также, не нарушая уваженія, дѣти съ родителями и, сохраняя любовь, жены съ мужьями? Если вы такъ полагаете, какъ полагаемъ мы, то почему ненавидите насъ? Если вы иначе думаете, то почему хотите убивать? Неужели смерть тому, кто не согласится съ вами? Призываю Іисуса въ свидѣтели моей совѣсти, Который будетъ судить и это писаніе, и твое письмо, что я, по совѣту святаго папы Хромація, хотѣлъ молчать, положить конецъ враждѣ и побѣдить зло добромъ; но такъ какъ ты грозишь гибелью, если я не буду молчать, то я вынужденъ отвѣчать, чтобы не показалось, что своимъ молчаніемъ я признаю обвиненіе и чтобы ты не истолковалъ мою кротость какъ знакъ нечистой совѣсти.

3. Истинная дилемма твоя, заимствованная не изъ диалектики, которой ты не знаешь, а изъ мастерской и соображенія палачей, такова: если я буду молчать, то я буду виновенъ, если буду отвѣчать, то буду злоязыченъ. Такимъ образомъ ты и удерживаешь меня отъ отвѣта, и вынуждаешь къ нему. Я буду умѣренъ въ томъ и другомъ, чтобы и устранить упреки, и удержаться отъ оскорбленія. Ибо кто не побоялся того, кто готовъ убивать? Я прослѣжую твою основную мысль, прочее оставляя тѣмъ ученѣйшимъ книгамъ, ко-

торыя я опровергъ прежде, чѣмъ прочиталъ. Ты говоришь, что «ты послалъ мое обвиненіе только къ тѣмъ, которые были оскорблены моими словами, а не ко многимъ, такъ какъ христіане должны говорить не для тщеславія, а для назиданія». Но откуда,—скажи пожалуйста,—дошелъ до меня слухъ о твоихъ книгахъ? Кто въ Римѣ, кто въ Италіи, кто по островамъ Далмаціи распространилъ ихъ? Если онѣ скрывались въ шкафахъ твоихъ и твоихъ друзей, то какимъ образомъ дошли до меня обвиненія на меня? И ты смѣешь утверждать, что говоришь не для тщеславія, но, какъ христіанинъ, для назиданія,—ты, который, на старости лѣтъ, выдумываешь на старика такое, чего не сказалъ бы убійца о разбойникѣ, публичная женщина о развратникѣ, шутъ о мимическомъ актерѣ? Ты, который раждаешь для меня горы обвиненій и за столько времени натачиваешь мечи, чтобы вонзить ихъ въ горло мое? Не для того ли твои цералы ¹⁾ и курьеры бѣгали по разнымъ провинціямъ, чтобы читать похвалы мнѣ, чтобы твой панегирикъ читать по угламъ, улицамъ и въ женскихъ ткальняхъ? Такова эта твоя святая скромность, таково христіанское назиданіе; ты такъ скромнень, такъ стыдливъ, что приходящіе толпами съ запада рассказывали мнѣ о твоихъ злословіяхъ, и съ такою подробностію и такимъ согласіемъ, что я былъ вынужденъ отвѣчать не на твои сочиненія, которыхъ еще не читалъ, а на миѣнія о сочиненіяхъ, и летающія по всему міру стрѣлы лжи отражать щитомъ истины.

4. Затѣмъ въ твоємъ письмѣ слѣдуетъ: «не подкупай большими деньгами моего переписчика, какъ это дѣлали твои

¹⁾ То есть такіе вѣстники, которые по всему міру разносили слухи, подобно Церерѣ, которая повсюду, даже и преисподней разыскивала свою похищенную дочь, Прозерпину.

друзья относительно моихъ листовъ περί Ἀρχών, еще не исправленныхъ, еще не отдѣланныхъ начисто, чтобы удобнѣе можно было изказать то, чего или никто не имѣлъ, или имѣли весьма немногіе. Прими даромъ посланный мною кодексъ, который ты желалъ бы пріобрѣсти за дорогую цѣну». Неужели не стыдно тебѣ такого вступленія? Я золотомъ сталъ бы подкупать твоего переписчика? Кто осмѣлился бы поспорить богатствомъ съ Крезомъ и Даріемъ, чтобы не бояться вдругъ разбогатѣвшаго Демарата и Красса? Неужели ты настолько закалилъ свой лобъ, что можешь на ложь возлагать свою надежду, считать возможнымъ защитить себя ложью и думать, что нужно вѣрить тебѣ во всемъ, что бы ты ни измыслилъ? Кто въ Вислемеѣ изъ спальни брата Евсевія укралъ твое панегерическое письмо? Благодаря чьей ловкости и чьими прислужниками въ страннопріимномъ домѣ святой Фабиолы и Океана, челоѣба умнаго и вѣрующаго во Христа, найденъ кодексъ, котораго они никогда не видали? Неужели ты потому считаешь себя невиннымъ, что переносишь на другихъ все то, что принадлежитъ тебѣ? Неужели кто ни оскорбляетъ тебя, хотя бы это былъ челоѣкъ простой, хотя бы это былъ невинный, тотчасъ сдѣлается виновнымъ, потому только, что ты обладаешь тѣмъ, чѣмъ побуждена стыдливость Данаи, что Гіезій предпочелъ святости учителя, ради чего Іуда предалъ своего Господа?

5. Однако посмотримъ, что изказилъ мой другъ въ твоихъ листахъ, еще не исправленныхъ и не отдѣланныхъ начисто, и удобнѣе ли ему было изказать ихъ вслѣдствіе того, что или никто не имѣлъ ихъ, или весьма немногіе. Я и прежде писалъ, и теперь, свидѣтельствуясь Богомъ, заявляю тоже, что я не одобрялъ доноса ни его ни всякаго другаго христіанина противъ христіанина. Ибо что за необходимость выносить на соблазнъ и искушеніе для многихъ то, что можно тайно обличить или исправить? Но такъ какъ

каждый жить по своему, и друг не может вполне управлять волею другаго, то я насколько не одобряю даже справедливаго доноса, настолько же не допускаю въ святомъ мѣжѣ искаженія листовъ. Ибо что латинянинъ могъ измѣнить въ греческомъ переводѣ? Или что сталъ бы онъ выпускать или прибавлять въ книгахъ περὶ Ἀρχῶν, гдѣ все находится въ такой тѣсной связи и одно такъ вытекаетъ изъ другаго, что все, что бы ты ни захотѣлъ выбросить или прибавить, сейчасъ же было бы видно какъ заплатка на одеждѣ? Итакъ самъ ты дѣлай то, что внушаешь мнѣ. Усвой немного, по крайней мѣрѣ челоуѣческаго, если не христіанскаго, стыда, чтобы, пренебрегши и поправши свою совѣсть, тебѣ, виновному въ дѣлахъ, не считать себя оправданнымъ словами. Если Евсеій за золото купилъ неисправленные листки, съ тѣмъ чтобы исказить ихъ, то ты представь свои не искаженные, и если докажешь, что въ нихъ нѣтъ ничего еретическаго, то въ такомъ случаѣ онъ будетъ виновенъ въ подлогѣ. Если ты и сдѣлаешь въ нихъ измѣненія, если ты и исправишь ихъ, ты не докажешь, что они православны. Ибо если бы погрѣшности заключались въ словахъ или въ немногихъ мысляхъ, то можно было бы отсѣчь дурное и замѣнить это хорошимъ; а тамъ, гдѣ все разсужденіе одинаково,— что всѣ разумныя творенія, навшія по собственной волѣ, будутъ въ послѣдствіи обращены въ одно состояніе, что опять изъ одного и того же начала происходятъ различныя паденія,— все это какъ ты будешь исправлять, если не измѣнишь всего? Если же ты сдѣлаешь это, то уже будешь не чужія книги переводить, а свои составлять. Чтоже касается дальнѣйшаго, то я не понимаю, что это за доказательство. «Такъ какъ, говоритъ онъ, листки еще не были исправлены и отдѣланы начисто, то тѣмъ легче они были искажены Евсеіемъ». Или я слишкомъ тупъ, или это слишкомъ глупо и нелѣпо. Если листки еще не были исправлены и отдѣланы начисто, то ошибки ихъ должны быть приписаны не Евсеію, а мед-

лительности и неповоротливости твоей,—такъ какъ ты замедлилъ исправленіемъ ихъ, а онъ долженъ быть признанъ виновнымъ только въ томъ, что поспѣшилъ распространить въ народъ твои сочиненія, которыя ты хотѣлъ съ теченіемъ времени исправить. Если же Евсевій искажилъ ихъ, какъ ты утверждаешь, то почему ты жалуешься и негодуешь, что они появились въ публикѣ въ неисправленномъ и начисто не отдѣланномъ видѣ? Вѣдь все равно они искажены,—были ли они въ исправленномъ или неисправленномъ видѣ. Ты говоришь, что никто не имѣлъ этихъ книгъ или весьма немногіе. Въ одной мысли какое противорѣчіе! Если ни у кого ихъ не было, то какъ же они были у немногихъ? Если у немногихъ были, то зачѣмъ же лжешь, что ихъ не было ни у кого? А такъ какъ ты говоришь, что у нѣкоторыхъ они были, и такъ какъ твоимъ собственнымъ признаніемъ опровергнуто то, что никто не имѣлъ ихъ, то гдѣ же то, на что ты жалуешься, именно—что за золото подкупленъ твой переписчикъ? Назови имя переписчика, скажи, сколько дано золота, гдѣ, кѣмъ и кому дано. Ты, конечно, прогналъ отъ себя своего предателя и виновнаго въ такомъ преступленіи удалилъ отъ своего сообщества? Смотри, не болѣе ли вѣрно то, что тѣми немногими друзьями твоими даны и Евсевію, и другимъ экземпляры, которые такъ сходны и согласны между собою, что ни въ одномъ даже пунктѣ не отличаются одинъ отъ другаго. Затѣмъ, какъ благоразумно давать экземпляръ другимъ, когда ты еще не исправилъ его! Листки еще не были написаны начисто,—а твои погрѣшности, которыя ты имѣлъ исправить, уже находились въ рукахъ другихъ! Неужели ты не замѣчаешь, что ложь не вяжется сама съ собою? И какая тебѣ была польза въ критическую минуту, во избѣжаніе приговоровъ епископовъ, показывать себя несостоятельнымъ и быть уличаемымъ своими же собственными словами? Ясно, что ты, по выраженію славнаго

оратора ¹⁾), имѣешь желаніе лгать, но не обладаешь искусствомъ выдумывать.

6. Буду слѣдовать порядку письма и приплету, какъ ты выразился, самыя слова. «Сознаюсь, говоришь ты, что и въ своемъ предисловіи я похвалилъ твое краснорѣчіе, и теперь похвалилъ бы, если бы ты, вопреки мнѣнію своего Туллія, своимъ великимъ хвастовствомъ не сдѣлалъ его противнымъ». Гдѣ же я хвастался своимъ краснорѣчіемъ, самыя похвалы которому я съ неудовольствіемъ принялъ отъ тебя? Или ты говоришь этимъ, что не хочешь льстить мнѣ коварною похвалою, что прямо будешь уличать меня, чтобы, если я не хотѣлъ принять похвалъ твоихъ, то почувствовалъ твои обвиненія? Что же касается твоего невѣжества, то я не настолько глупъ, чтобы уличать тебя въ немъ: его никто не можетъ сильнѣе обличить, какъ ты самъ своимъ писаніемъ. Я хотѣлъ только показать соученикамъ твоимъ, которые вмѣстѣ съ тобою не научились грамотѣ, насколько ты успѣлъ въ продолженіе тридцати лѣтъ на востокѣ,—ты, συγραφεὺς ἀγράμματος (безграмотный писатель), считающій наглость, болтливость и злословіе на всѣхъ знакомъ чистой совѣсти. Я не даю тебѣ, какъ ты говоришь, палей, и не стараюсь плетью и розгой обучить своего ученика—старика грамотѣ; но такъ какъ всѣ мы, лишующіе, не можемъ вынести блеска твоего краснорѣчія и учености и ты своимъ остроуміемъ ослѣпляешь наши глаза, такъ что всѣхъ считаешь своими завистниками; то всѣ мы вмѣстѣ хотимъ уничтожить тебя, чтобы ты, однажды получивши первенство въ литературѣ и упрочивши за собою высшее положеніе въ краснорѣчій, всѣхъ насъ, имѣющихъ притязаніе знать что нибудь, не лишилъ возможности даже и пикнуть. Я фи-

¹⁾ Цицерона.

лософъ, риторъ, грамматикъ, діалектикъ, еврей, грекъ, латинянинъ, трезязычникъ. Въ такомъ случаѣ ты, настолько свѣдущій въ греческомъ и латинскомъ языкѣ, что греки считаютъ тебя латиняниномъ, а латиняне грекомъ, будешь двуязычнымъ, а папа Епифаній будетъ *πεντάγλωττος* (пятиязычникъ), потому что онъ на пяти языкахъ говоритъ противъ тебя и твоего любимца ¹⁾). Но при этомъ я удивляюсь дерзости, съ какою ты осмѣливаешься говорить противъ столь многоуважаемаго мужа: «если ты смотришь глазами столькихъ наукъ, то какъ можно простить тебѣ погрѣшности, и не слѣдуетъ ли предать тебя вѣчному позорному забвенію?» Прочитавши это, я подумалъ, что я гдѣ либо погрѣшилъ въ языкѣ (ибо *кто во словѣ не согрѣшаетъ, сей совершенъ*, Іак. 3, 2), и сталъ подозрѣвать, что онъ укажетъ что нибудь изъ моихъ погрѣшностей, какъ вдругъ онъ заявилъ: «за два дня до отъѣзда подателя этого письма, въ мои руки попали твои нападки на меня». Такъ гдѣ же то, чѣмъ ты угрозишь и о чемъ говоришь: «какъ можно простить тебѣ погрѣшности и не слѣдуетъ ли предать тебя вѣчному забвенію?» Ужъ не вслѣдствіе ли краткости времени ты не могъ въ точности указать такихъ погрѣшностей и не намѣренъ ли былъ нанять кого либо изъ ученыхъ, чтобы онъ разыскалъ въ моихъ сочиненіяхъ прекрасные перлы твоего краснорѣчія? Выше ты писалъ: «прими даромъ посланный мною кодексъ, который ты желалъ бы пріобрѣсти за дорогую цѣну», а теперь говоришь съ притворнымъ смиреніемъ: »я хотѣлъ подражать тебѣ, но такъ какъ возвращавшійся къ тебѣ спѣшилъ назадъ, то о твоихъ злословіяхъ я предпочелъ написать вкратцѣ къ тебѣ, нежели подробно къ другимъ». Между тѣмъ ты смѣло пользуешься своимъ невѣжествомъ,

такъ какъ однажды ты заявилъ: «для тебя излишне было порицаніе за небольшое, когда мы все признали достойнымъ порицанія». Не буду ставить на видъ то, что ты сказалъ *«приобрѣсти»* кодексъ вмѣсто *«купить»* такъ какъ приобрѣтеніе обозначаетъ обмѣнъ одинаковыхъ предметовъ, а покупка—полученіе за деньги, а также—весьма неряшливое вслѣдствіе *περιστολογία* (излишества словъ) выраженіе: *такъ какъ возвращавшійся къ тебѣ спышилъ назадъ*. Буду отвѣчать только на мысли и уличать тебя не въ соецизмахъ и барбаризмахъ, а во лжи, лугавствѣ и безстыдствѣ.

7. Если ты пишешь письмо только ко мнѣ, съ цѣлью меня вразумить и если бы ты желалъ исправить меня, не дѣлая соблазна для другихъ, чтобы, когда бѣснуются одни, не душить за горло другихъ: то почему книги противъ меня ты пишешь къ другимъ и чрезъ своихъ посланцевъ распространяешь ихъ для чтенія по всему міру? Гдѣ тотъ силлогизмъ твой, которымъ ты стараешься опутать меня и въ которомъ говоришь: «кого ты желалъ исправить въ этомъ, прекраснѣйшій учитель? Если тѣхъ, къ которымъ ты пишешь, то они ни въ чемъ не погрѣшили; а если меня, котораго обличаешь, то ты не ко мнѣ писалъ». И я спрошу тебя твоими словами: кого ты желалъ исправить, невѣжественный учитель? Тѣхъ ли, которые не погрѣшали, или меня, къ которому ты не писалъ? Ты думаешь, что читатели глупы и что всѣ они не понимаютъ твоей мудрости, или, вѣришь, лукавства, какимъ и змѣй былъ мудрѣе всѣхъ звѣрей въ раю,—когда отъ меня ты требуешь вразумленія тайнаго, а самъ преслѣдуешь меня обвиненіемъ публичнымъ, и не стыдишься свое обвиненіе называть Апологіей? когда жалуешься, зачѣмъ я закрываюсь щитомъ отъ твоего кинжала и, какъ бы довольно религіозный и благочестивый, надѣваешь на себя маску смиренія и говоришь: «если я погрѣшилъ, то зачѣмъ ты пишешь другимъ, а не обличаешь

меня самого?» Это же самое я обращаю противъ тебя: почему ты самъ не исполнилъ всего того, въ неисполненіи чего обвиняешь меня? Это похоже на то, какъ если бы кто, ударяя кого нибудь кулаками и ногами, когда этотъ вздумалъ бы оказать сопротивленіе, сказалъ ему: развѣ тебѣ не заповѣдано: *еще ты кто ударишь въ ланиту, обрати ему и другую* (Матѳ. 5, 39)? Что же, добрый человѣкъ! тебѣ заповѣдано, чтобы ты билъ меня и выкололъ мнѣ глазъ, а если я не много шевельнусь, то ты запоешь мнѣ о евангельскихъ заповѣдяхъ? Хочешь ли ты знать о всѣхъ извортотахъ твоего лукавства, о хитростяхъ, свойственныхъ лисицамъ, которыя обитаютъ въ развалинахъ стѣнъ и о которыхъ Іезекіиль говоритъ: *якоже лисицы въ пустыни, пророцы твои, Израилю* (Іезек. 13, 4)? Послушай, что ты сдѣлалъ. Ты такъ восхвалилъ меня въ своемъ предисловіи, что мнѣ ставили въ упрекъ твои похвалы, и если бы я не сказалъ, что я чуждъ такому хвалителю, то меня сочли бы за еретика. Послѣ того, какъ я отразилъ обвиненія, то есть твои похвалы, и, безъ ненависти къ твоему имени, отвѣтилъ на обвиненія, а не обвинителю, и, обезславленный тобою, для доказательства своего православія, напалъ на еретиковъ,—ты гнѣваешься, негодуешь и составляешь противъ меня пресловутыя книги; и когда ты раздалъ ихъ всѣмъ для чтенія и вопѣванія, то изъ Италіи, и изъ города Рима и изъ Далмаціи пришло ко мнѣ множество писемъ о томъ, какими разукрасилъ меня хвалами ты, прежде одобрявшій меня.

8. Сознаюсь, я тотчасъ отвѣтилъ на упрёки, и всѣми силами постарался доказать, что я не еретикъ, и послалъ эти самыя книги своей Аполлогіи къ тѣмъ, которыхъ ты уязвилъ, чтобы за твоимъ ядомъ слѣдовало наше противудіе. Вслѣдствіе этой вины ты посылаешь мнѣ и прежнія книги и новое письмо, полное оскорбленій и обвиненій. Чего

же ты хочешь отъ меня добрый другъ? Чтобы я молчалъ?—будетъ казаться, что я признаю обвиненіе. Чтобы я говорилъ?—ты устрашаешь меня своими мечами и грозишь доносомъ уже не церковнымъ, а гражданскимъ. Что я сдѣлалъ? въ чемъ провинился? чѣмъ оскорбилъ тебя? Что сказалъ, что я не еретикъ? что призналъ себя недостойнымъ твоихъ похвалъ? что открыто описалъ обманъ и коварство еретиковъ? Чѣмъ задѣлъ здѣсь ты, хвальнойся своимъ православіемъ и правдивостію, охотѣе обвиняющій меня чѣмъ защищающій себя? Развѣ моя защита служить обвиненіемъ для тебя? Или ты можешь быть православнымъ не иначе, какъ только доказавши, что я еретикъ? Какая тебѣ польза отъ моего сообщества? И какая это мудрость, что обвиненный одними, ты обвиняешь другаго, что одинъ нападаетъ на тебя, а ты, обратившись къ нему спиною, вызываешь противъ себя того, кто ничего не дѣлаетъ?

9. Свидѣтельствуюсь посредникомъ Иисусомъ, что я противъ воли и лишь защищая себя отвѣчаю на эти слова, и если бы ты не вызвалъ меня, то я всегда бы молчалъ. Перестань наконецъ обвинять, и я перестану защищаться. Ибо что за назиданіе для слушателей въ томъ, что два старика спорятъ между собою изъ-за еретиковъ, и въ особенности когда оба хотятъ казаться православными? Перестанемъ защищать еретиковъ, и между нами не будетъ никакого спора. Съ тою же горячностію, съ какою мы прежде восхваляли Оригена, будемъ теперь осуждать осужденнаго всѣмъ міромъ. Подадимъ другъ другу руки, соединимъ души и бодро послѣдуемъ за двумя *τροπαιοφόροις* ¹⁾ востока и запада. Заблуждались мы въ юности,—исправимся въ старости. Если

¹⁾ То есть за несущими трофеи, за передовыми воинами,—*Θεοφιλωμ* и *Αναστασιέμ*.

ты, братъ, то радуйся моему исправленію. Если я другъ, то я долженъ радоваться твоему обращенію. Пока между нами будетъ ссора, то будетъ казаться, что мы соблюдаемъ правую вѣру по необходимости, а не по доброй волѣ. Наша вражда у обоихъ насъ уничтожаетъ удостовѣреніе въ истинномъ раскаяніи. Если мы въ одно и тоже вѣримъ, если одного и того же желаемъ и не желаемъ (изъ чего, даже по свидѣтельству Катилены, рождается прочная дружба), если одинаково ненавидимъ еретиковъ и одинаково осуждаемъ прежнее заблужденіе; то къ чему мы споримъ другъ съ другомъ, когда противъ одного и того же мы боремся, одно и тоже защищаемъ? Прости мнѣ, что я, въ юпошескомъ возрастѣ, до полного ознакомленія съ ересью Оригена, хвалилъ его ученость и знаніе Писаній,—и я извиню тебя, что ты, будучи съ сѣдою головою, написалъ Аполлогію въ защиту его книгъ.

10. Ты свидѣтельствуешь, что мои книжки попали въ твои руки за два дня до того, какъ ты написалъ ко мнѣ письмо, и что поэтому ты не имѣлъ времени свободно отвѣчать; въ противномъ случаѣ, если бы ты говорилъ противъ меня обдуманно и приготовившись, то казалось бы, что ты бросаешь молвіи, а не обвиненія. Но кто повѣритъ тебѣ, человѣку прайдивѣйшему, что торговецъ восточными товарами, который необходимо долженъ былъ и вывезенное отсюда продать и тамъ закупить товары чтобы привезти ихъ сюда, чтобы этотъ торговецъ только два дня былъ въ Аквилеѣ, такъ что ты былъ вынужденъ наскоро и безъ подготовки продиктовать письмо противъ меня? Развѣ краснорѣчивѣе тѣ твои книги, которыя ты отдѣлывалъ въ теченіе трехъ лѣтъ? Развѣ, можетъ быть, въ то время не было человѣка, который выправилъ бы твою болтовню, и поэтому весь путь твоей рѣчи, чуждый искусства Паллады, усѣянъ рытвинами и пропастями недостатковъ? Твоя ложь от-

носителю времени такъ очевидна, что не только отвѣтить, но и прочитать написанное мною въ два дня ты не могъ. Изъ этого ясно, что или ты написалъ это письмо въ бѣльшее число дней, какъ доказываетъ это изящество самаго стиля, или,—если твоя рѣчь была спѣшною,—ты чрезвычайно небреженъ, такъ какъ будучи такимъ безъ подготовки, ты оказался худшимъ въ томъ, что писалъ обдумавши.

11. Что же касается того, что ты увертываешься и говоришь, что ты перевелъ съ греческаго то, что я прежде перевелъ на латинскій языкъ: то я не совсѣмъ понимаю, что ты хочешь этимъ сказать, если только ты и теперь не обвиняешь комментаріевъ къ Ефесеямъ и какъ будто относительно этого тебѣ ничего не было сказано, не остаешься упоренъ въ своемъ безстыдствѣ и, заткнувши уши, не слушаешь словъ заклинателя. Мы какъ въ этихъ комментаріяхъ, такъ и въ другихъ, излагали и свое мнѣніе, и мнѣнія другихъ, ясно заявляя, что въ нихъ еретическое и что православное. Ибо таково свойство комментаріевъ и таково правило толкователей, что они при изъясненіи излагаютъ различныя мнѣнія и представляютъ, что кажется какъ имъ, такъ и другимъ. И это дѣлаютъ не только толкователи священныхъ писаній, но и латинскіе и греческіе комментаторы свѣтскихъ литературныхъ произведеній. Но ты не можешь оправдываться этимъ относительно книгъ περὶ Ἀρχῶν. Ибо тебѣ уличить твое предисловіе, въ которомъ ты общаешься, что, отсѣвши заблужденіе и прибавленное еретиками, ты оставилъ самое лучшее, такъ что все хорошее или дурное, сказанное тобою, должно быть вмѣнено не тому, кого ты переводишь, а тебѣ, который перевелъ это, если только ты не былъ обязанъ исправлять заблужденія еретиковъ и оставлять безъ исправленія заблужденія Оригена. Но на это, такъ какъ ты отсылаешь насъ къ кодексу, мы отвѣтили тебѣ прежде, чѣмъ прочитали твои сочиненія.

12. Касательно книги Памфила, со мною случилось обстоятельство достойное не смѣха, какъ ты пишешь, а презрѣнія,—именно, что признавши книгу Евсевіевою, а не Памфиловою, я потомъ сказалъ, что и я весьма много лѣтъ думалъ, что она принадлежала Памфилу и что у тебя былъ заимствованъ списокъ этой книги. Смотри, какъ я боюсь твоего хохота, что и теперь привожу тѣ же слова. Изъ твоего кодекса мы получили списокъ какъ бы Памфила. Я повѣрилъ христіанину и повѣрилъ монаху: я не думалъ, что ты можешь выдумать что либо столь преступное. Но затѣмъ, вслѣдствіе твоего перевода, когда во всемъ мірѣ былъ возбужденъ вопросъ противъ Оригена, я сталъ съ бѣльшимъ вниманіемъ изслѣдывать списки и отыскалъ въ Кесарійской бібліотекѣ шесть книгъ Евсевіевой *»Апологии въ защиту Оригена«*. Прочитавши ихъ, я въ первый разъ встрѣтилъ ту книгу, которую ты одинъ издалъ подѣ именемъ мученика, измѣнивши въ хорошую сторону весьма многія богохульства о Сынѣ и Духѣ Святомъ. Я не знаю, Дидимъ ли, ты ли или иной кто либо сдѣлалъ это, въ совершеніи чего ты весьма ясно уличаешься въ книгахъ περὶ Ἀρχῶν, въ особенности когда тотъ же Евсевій (какъ я уже показалъ въ двухъ предшествующихъ книгахъ) пишетъ, что Памфилъ не издалъ никакого своего сочиненія. Такъ скажи же и ты, отъ кого получилъ ты списокъ, и съ цѣлью ускользнуть отъ обвиненія, не называй кого либо изъ умершихъ, чтобы, не имѣя возможности указать виновника, не ссылаться на того, кто не можетъ отвѣчать. Если же этотъ ручеекъ имѣетъ источникъ въ твоихъ шкафахъ, то и безъ моихъ словъ ты знаешь, что отсюда слѣдуетъ. Но пусть заглавіе этой книги и имя автора измѣнено какимъ нибудь другимъ приверженцемъ Оригена: зачѣмъ ты переводишь это (заглавіе и имя автора) на латинскій языкъ? Конечно, для того, чтобы, въ силу свидѣтельства мученика, всѣ повѣрили сочиненіямъ Оригена,

когда предпослано подтвержденіе такого автора и свидѣтеля. Но мало для тебя апологіи ученѣйшаго мужа: ты пишешь еще собственную книгу въ защиту его, и распространивши эти книги между многими, ты уже смѣло переводишь съ греческаго книги *περί Ἀρχῶν* и въ предисловіи рекомендуешь эти книги, говоря, что нѣчто въ нихъ испорчено еретиками, что ты исправилъ прочитавши другія книги Оригена. Ты хвалишь и меня, чтобы не противорѣчилъ тебѣ кто либо изъ друзей моихъ. Хвалителя Оригенова ты одобряешь, превозносишь до небесъ мое краснорѣчіе, чтобы втоптать вѣру въ грязь; называешь меня братомъ и товарищемъ и признаешься, что ты подражаешь моему труду. И тогда какъ ты восхваляешь переведенныя мною семьдесятъ бесѣдъ Оригена и нѣкоторые томы на Апостолъ, въ которыхъ все я такъ исправилъ, »что латинскій читатель не найдетъ въ нихъ ничего несогласнаго съ православною вѣрою«,—теперь ты обвиняешь тѣ же книги, какъ еретическія, и, перевернувши стиль, того, кого ты восхвалялъ, считая своимъ сообщникомъ, обвиняешь, види въ немъ врага своего лжевѣрія. Кто изъ двоихъ является обвинителемъ мученика? Я ли, говорящій, что онъ не былъ еретикомъ и не написалъ ту книгу, которая всѣмъ порицается, или ты, издавшій съ измѣненнымъ заглавіемъ книгу аріанина подъ именемъ мученика? Для тебя мало соблазна Греціи: ты еще передаешь это и латинянамъ и славнаго мученика, насколько есть у тебя силы, безславишь своимъ переводомъ. Ты впрочемъ сдѣлалъ это съ другою цѣлью,—не для того, чтобы обвинять меня, но чтобы чрезъ меня защитить сочиненія Оригена. Однако знай, что римская вѣра, восхваленная словомъ апостола, уловокъ такого рода не терпитъ: даже если ангелъ возвѣститъ иначе чѣмъ какъ однажды было проповѣдано, она, огражденная авторитетомъ Павла, измѣниться не можетъ. Итакъ, братъ, тобою ли сдѣланъ подлогъ книги, какъ многіе думаютъ, или

другимъ, какъ, можетъ быть, ты будешь стараться убѣдить, а ты необдуманно повѣрилъ, что *συνταγμα* ¹⁾ еретика принадлежитъ мученику,—измѣни заглавіе и избавь римскую простоту отъ такой опасности. Тебѣ нѣтъ пользы, чтобы изъ-за тебя славнѣйшій мученикъ считался еретикомъ и пролившій кровь за Христа признавался противникомъ вѣры Христовой. Скажи лучше: я нашелъ книгу и счелъ ее за книгу мученика; не бойся раскаянія. Я уже не буду стѣснять тебя, не буду спрашивать, отъ кого ты получилъ ее: назови кого-либо изъ умершихъ, или скажи, что купилъ ее на улицѣ у не-извѣстнаго человѣка. Я ищу не осужденія твоего, а обращенія. Лучше пусть ты ошибся, чѣмъ мученикъ сталъ еретикомъ. Какимъ бы то ни было образомъ освободи ногу изъ настоящей западни. На будущемъ судѣ ты увидишь, какъ тяжело тебѣ будетъ отвѣчать на жалобы мученика противъ тебя.

13. Ты предлагаешь себѣ даже такія возраженія, какихъ никто не дѣлаетъ тебѣ, и опровергаешь то, въ чемъ никто не обвиняетъ. Ты говоришь, что въ моемъ письмѣ ты читалъ: »скажи, кто дозволилъ тебѣ при переводѣ нѣчто выбросить, нѣчто измѣнить, нѣчто прибавить«? И сейчасъ же отвѣчаешь себѣ самому и говоришь противъ меня: »Вотъ что говорю я тебѣ: скажи, пожалуйста, кто позволилъ тебѣ въ своихъ комментаріяхъ писать нѣчто изъ Оригена, нѣчто изъ Аполлинарія, нѣчто изъ себя самого, а не все изъ Оригена, или изъ себя, или изъ другаго«? Между тѣмъ, поступая иначе, ты противъ себя самого привелъ самое сильное обвиненіе и забылъ старую пословицу: »лжецы должны быть памятливы«. Ты говоришь, что я въ своихъ комментаріяхъ приводилъ нѣчто изъ Оригена, нѣчто изъ Аполлинарія, нѣчто изъ себя

¹⁾ Сочиненіе, произведеніе.

Творенія бл. Іеронима.

самого. Если поэтому Оригену и Аполлинарію принадлежит то, что я привелъ подъ именемъ другихъ; то какимъ образомъ въ своихъ книгахъ ты вводишь на меня обвиненіе, будто когда я пишу: »другой такъ говорить; нѣкто такъ предполагаетъ«, то этотъ *другой* и *нѣкто*—я самъ. Между Аполлинаріемъ и Дидимомъ большая разница и въ толкованіи, и въ стилѣ, и въ богословскихъ мѣніяхъ. Когда я въ одной главѣ излагаю различныя мѣнія, то неужели нужно думать, что я слѣдую противоположнымъ мѣніямъ? Но объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

14. Теперь я спрошу у тебя: кто упрекалъ тебя за то, что ты или выпустилъ нѣчто изъ Оригена, или прибавилъ, или измѣнилъ, и кто какъ бы подъ нѣткою допрашивалъ тебя: хорошо или дурно то, что ты перевелъ? Напрасно ты прикидываешься невиннымъ, чтобы, представивъ вопросъ глупымъ, ослабить его справедливость. Я обвинялъ тебя не за то, что ты вздумалъ перевести Оригена,—ибо это и я самъ сдѣлалъ, и прежде меня дѣлали Викторинъ, Иларій и Амвросій,—а за то, что ты подтвердилъ еретическій переводъ свидѣтельствомъ своего предисловія. Ты вынуждаешь меня повторять одно и тоже и проходить по прежнимъ строкамъ моимъ. Ибо въ томъ же прологѣ ты говоришь, что то, что прибавлено еретиками, ты отсѣкъ и замѣнилъ это хорошимъ. Если ты уничтожилъ заблужденія еретиковъ, то значить оставленное или прибавленное тобою будетъ или Оригеновымъ или твоимъ, что ты помѣстилъ, конечно, какъ хорошее. Но ты не можешь отрицать, что въ этомъ есть и многое дурное. А мнѣ, скажешь, какое до этого дѣло? вѣняй это Оригену: ибо я измѣнилъ только то, что прибавлено еретиками. Укажи причины, почему ты выпустилъ заблужденія еретиковъ и оставилъ нетронутыми заблужденія Оригена. Не ясно ли, что заблужденія Оригена ты отчасти ссудилъ

подъ названіемъ еретическихъ, а отчасти принялъ, потому что считалъ ихъ не за худое, а за хорошее и за согласное съ твоєю вѣрою? Вотъ о чемъ я спрашивалъ тебя,—хорошо ли, или худо то, что ты похвалилъ въ предисловіи, что́, по отсѣченіи самаго худаго, осталось, по твоему признанію, какъ самое лучшее, вотъ относительно чего я подвергалъ тебя пыткѣ надлежащей аргументаціи,—что если ты признаешь это хорошимъ, ты оказываешься еретикомъ, если худымъ, то слышишь вопросъ: затѣмъ же ты въ предисловіи хвалилъ то, что худо? Но я не прибавлялъ того, что ты лукаво приводишь: затѣмъ ты перевелъ худое для ознакомленія латиняпъ? Ибо худое иногда указывается не для того чтобы внушить его, а чтобы предостеречь отъ него, чтобы читатель остерегался слѣдовать заблужденіямъ, чтобы презиралъ узпанное, что́ иногда, не бывъ извѣстно, привлекаетъ вниманіе. И послѣ этого ты осмѣливаешься говорить, что я составляю такіа сочиненія, ты же, какъ и переводчикъ, гдѣ могъ что нибудь исправить, тамъ дѣлалъ болѣе, чѣмъ переводчикъ, а гдѣ не могъ, тамъ былъ только переводчикомъ. Ты справедливо сказалъ бы это, еслибы твои книги περί 'Αρχῶν не имѣли предисловія. Это сдѣлалъ и Иларій при переводѣ его бесѣдъ, чтобы и хорошее и дурное было вмѣняемо не переводчику, а автору. Если бы ты не сказалъ, что самое худшее тобою отсѣчено, а наилучшее оставлено, то ты какъ нибудь выбрался бы изъ болота. Вотъ что разрушаетъ твои хитросплетенія и со всѣхъ сторонъ запутавшемуся не дозволяетъ тебѣ выпутаться. И не злоупотребляй настолько простотою читателя и не считай настолько глупыми всѣхъ, кто будетъ читать твое писаніе, чтобы думать, будто они не будутъ смѣяться, что ты, оставляя раны гнить, накладываешь пластырь на здоровое тѣло.

15. Какъ ты думаешь относительно воскресенія тѣлъ, это мы узнали уже изъ твоей Апологіи: «безъ отдѣленія какого либо члена и безъ отсѣченія какой либо части тѣла». Таково чистое и открытое исповѣданіе твоей простоты, принятое, какъ ты утверждаешь, всеѣми епископами Италіи. Я повѣрилъ бы говорящему это, если бы не заставляла меня сомнѣваться относительно тебя та, не Памфилова, книга. Однако же я удивляюсь, какимъ образомъ Италія одобрила то, что отвергъ Римъ, какъ епископы приняли то, что осудила апостольская каедрa.

16. Ты пишешь также, что я въ своемъ письмѣ заягилъ, что папа Теофилъ недавно издалъ изложеніе вѣры, которое еще не дошло до васъ, и общаешь слѣдовать всему, что бы онъ ни написалъ. Не знаю, чтобы я писалъ это и чтобы когда либо посылалъ письма подобного рода. Но ты потому соглашася съ неизвѣстнымъ и съ такимъ чего не знаешь какого оно будетъ, чтобы уклоняться отъ извѣстнаго и не заявлять своего согласія съ нимъ. Въ послѣдніе приблизительно два года я перевелъ два его посланія, соборное и пасхальное, противъ Оригена и его учениковъ, и другія противъ Аполлинарія и того же Оригена, и для назиданія церкви издалъ эти посланія для чтенія людямъ нашего языка. Не знаю, чтобы я перевелъ что либо другое изъ его твореній. И однако же ты, говоря, что ты во всемъ слѣдуешь мнѣнію папы Теофила, берегись, какъ бы не услышали этого учителя и соученики твои, какъ бы тебѣ не оскорбить весьма многихъ, которые называютъ меня разбойникомъ, а тебя мученикомъ, какъ бы не сталъ сердиться на тебя тотъ, кто, посылая къ тебѣ письмо противъ папы Епифанія ¹⁾, убѣждалъ, чтобы ты оставался въ истинѣ вѣры и, по ка-

¹⁾ Такого рода письмо противъ Епифанія писалъ пресвитеръ Исидоръ къ Іоанну іерусалимскому и его приверженцамъ.

кому либо страху, не измѣнилъ своего мнѣнія. Всѣ тѣ, кому доставлено было это письмо, считаютъ его подлиннымъ. А послѣ сего ты по своему обычаю выражаешься: «чтобы я удовлетворилъ тебѣ въ твоемъ неистовствѣ касательно того, о чемъ ты говорилъ выше, ты говоришь: какъ тебѣ кажется, есть ли у тебя больше что нибудь, куда бы направить нервы своей болтливости». И ты еще обижаешься, если я уличаю тебя, что ты мерзко выражаешься и что ты, церковный писатель, употребляешь гадости комедій и пошлости распутныхъ женщинъ и развратныхъ юношей!

17. Затѣмъ ты спрашиваешь, когда я началъ слѣдовать мнѣнію папы Θεοφιλα и вошелъ съ нимъ въ общеніе вѣры, и самъ отвѣчаешь себѣ: «тогда, я думаю, когда ты всѣми силами и со всѣмъ усердіемъ защищалъ Павла ¹⁾, котораго онъ осудилъ, когда ты подстрекалъ его снова принять, на основаніи императорскаго предписанія, святительство, котораго онъ былъ лишенъ судомъ епископскимъ». Не прежде буду отвѣчать тебѣ въ защиту себя, какъ сказавши объ обидахъ, нанесенныхъ другимъ. Что это за человеколюбіе, какое милосердіе—радоваться несчастіямъ другихъ и на чужія раны указывать всѣмъ! Этому ли учить тебя оный Самарянинъ, вразумляющій отвезти полуживаго въ гостиницу, возлить масло на раны, обшачъ плату содержателю гостиницы? Этому ли наставляетъ тебя чтеніе о возвращенной овцѣ, найденной драхмѣ, принятомъ блудномъ сынѣ? Пусть я оскорбилъ тебя и нѣкоторыми, какъ ты говоришь, шпильками вызвалъ на неразумныя укоризны; но неизвѣстный человѣкъ чѣмъ заслужилъ то, чтобы вскрывать рану его и сросшуюся кожу разрѣзывать съ нежданною для него болью? Не обязанъ ли ты былъ не дѣлать этого, даже еслибы онъ

¹⁾ Это былъ епископъ, котораго сильно преслѣдовалъ Θεοφιλος, и котораго Іеронимъ будто бы принялъ въ свой монастырь.

былъ достоинъ порицаній? Или я обманываюсь, или вѣрно то, что говорятъ весьма многіе, будто въ лицѣ его ты преслѣдуешь враговъ оргенистовъ и по поводу одного вооружаешься противъ обоихъ. Если ты сочувствуешь опредѣленіямъ Теофила и если ты считаешь преступнымъ разрушать постановленія епископовъ, то что скажешь о другихъ, которыхъ онъ осудилъ? Что скажешь о папѣ Анастасіѣ, относительно котораго никто не считаетъ вѣроятнымъ, чтобы святитель такого города могъ нанести обиду тебѣ невинному ли, или отсутствующему? Я говорю это не въ томъ смыслѣ, чтобы я судилъ объ опредѣленіяхъ епископовъ или желалъ отмѣны ихъ постановленій, а потому, что каждый подъ своею отвѣтственности дѣлаетъ что заблагоразсудитъ и самъ знаетъ какъ нужно судить о его мѣстѣ. Въ монастырѣ у насъ страннопріимничество—дѣло близкое сердцу, и всѣхъ, приходящихъ къ намъ, мы принимаемъ съ свѣтлымъ радушіемъ. Мы опасаемся, какъ бы не случилось, что Марія съ Іосифомъ не нашли мѣста въ гостинницѣ и какъ бы Іисусъ, не принятый, не сказалъ намъ: *страненъ бѣхъ, и не введосте Мене* (Матѣ. 23, 43). Только однихъ еретиковъ мы не принимаемъ, которыхъ однихъ только и принимаете вы. Мы имѣемъ цѣлю омыгать ноги приходящихъ, а не разбирать заслуги. Вспомни, братъ, объ его исповѣданіи, объ удачахъ, поражавшихъ грудь его. Вспомни о тюрьмѣ, о неизвѣстности, объ изгнаніи, о рудникахъ,—и ты не будешь негодовать, что проходя мимо, онъ былъ принятъ въ гостинницѣ. Неужели мы кажемся тебѣ возмутителями, если во имя Христа подаемъ жаждущимъ чашу холодной воды?

18. Хочешь ли знать, почему мы должны болѣе любить его, а ты болѣе ненавидѣть? Партія еретиковъ, изгнанная недавно изъ Египта и Александріи, удалилась въ Іерусалимъ и хотѣла вступить съ нимъ въ общеніе, чтобы одинаково потерпѣвшіе были и виновны одинаково. Онъ съ презрѣні-

емъ прогналъ, отвергъ ихъ, говоря, что онъ не врагъ вѣры и не предпринимаетъ войны противъ церкви, что то, на что онъ покушался прежде, было слѣдствіемъ огорченія, а не невѣрія, и что онъ не посягалъ на невинность другаго, а только свою хотѣлъ доказать. Ты считаешь нечестивымъ императорскій рескриптъ послѣ рѣшенія святителей? Такъ ли это—пусть знаетъ тотъ, кто заслужилъ этого. А какъ ты думаешь о тѣхъ, которые, бывъ осуждены, осаждаютъ дворцы и, сомкнувшись въ клинъ, преслѣдуютъ вѣру Христову въ одномъ человѣкѣ? Свидѣтелемъ же моего общенія съ папою Θεοφιломъ я не назову никого другаго, кромѣ самого его, котораго ты представляешь оскорбленнымъ мною, который, какъ тебѣ не безызвѣстно, всегда писалъ письма ко мнѣ, даже и тогда, когда ты препятствовалъ доставленію ихъ мнѣ и, ежедневно разсылая писмоносецевъ, разславлялъ, что его врагъ есть мой искренній другъ и пріятель, и вымышлялъ то, что ты теперь безстыдно пишешь, чтобы возбудить ненависть его противъ насъ и чтобы огорченіе отъ обиды сдѣлалось угнетеніемъ за вѣру. Но благоразумный и обладающій апостольскою мудростію мужъ временемъ и дѣлами доказалъ и наше расположеніе къ нему, и наши козни противъ насъ. Если мои ученики устроивали тебѣ, какъ ты пишешь, козни въ Римѣ и украли несправленные листки, когда ты спалъ; то кто возбудилъ папу Θεοφιла противъ мятежниковъ въ Египтѣ? Кто вызвалъ царскія опредѣленія, согласіе всего міра относительно этого предмета? Ты также хвалишься, что съ юности ты былъ слушателемъ и ученикомъ Θεοфила, между тѣмъ какъ и онъ, по свойственному ему смиренію, никогда не училъ, прежде чѣмъ сдѣлался епископомъ, да и ты не былъ въ Александріи послѣ того какъ онъ сдѣлался епископомъ. А ты еще смѣешь говорить въ укоръ мнѣ: «своихъ учителей я не обвиняю и не мѣняю». Если это правда, то ты дѣлаешь подозрительнымъ для меня

кругъ своихъ знакомыхъ. Я не осуждаю своихъ наставниковъ, какъ ты обвиняешь, но страшусь онаго изреченія Исаи: *горе глаголющимъ лукавое доброе, и доброе лукавое, полагающимъ тму свѣтъ, и свѣтъ тму, полагающимъ горькое сладкое, и сладкое горькое* (Ис. 5, 20). А ты когда вмѣстѣ съ медомъ равно пьешь и ядъ учителей, то отступаешь отъ наставленія апостола, который учитъ, что не нужно вѣрить даже ангелу и ему, если бы они погрѣшили въ вѣрѣ.

19. Что снится тебѣ относительно Вигиланція, я не знаю. Ибо гдѣ я писалъ, что онъ запятналъ себя общеніемъ съ еретиками въ Александрію? Дай книгу, покажи письмо,—вовсе нигдѣ не найдешь этого. Затѣмъ съ тою же свободою или, вѣришь, безстыдствомъ лжи, вслѣдствіе которой, какъ ты думаешь, всѣ повѣрятъ словамъ твоимъ, ты прибавляешь: «когда ты такъ оскорбительно привелъ противъ него свидѣтельство изъ Писаній, что я не осмѣливаюсь своими устами повторить его». Не смѣешь повторить, а молчаніемъ обвиняешь болѣе; не имѣя что возразить, представляешься сдержаннымъ, чтобы читатель думалъ, что ты щадишь меня, ты, своею ложью не пощадившій души своей. Что это за свидѣтельство изъ Писаній, которое не можетъ выйти изъ твоихъ скромнѣйшихъ устъ? Да и что гнусное можетъ быть приведено въ святыхъ книгахъ? Если ты стыдишься сказать, то по крайней мѣрѣ напиши, чтобы собственныя слова уличили насъ въ дерзости. Не говоря о другомъ, я изъ этого одного мѣста докажу, что ты обладаешь мѣднымъ лбомъ лживости. Смотри, какъ я боюсь твоего обвиненія: если ты укажешь то, чѣмъ грозишь, то мнѣмъ будетъ все принадлежащее тебѣ. Сказаннымъ Вигиланцію я отвѣтилъ тебѣ, ибо онъ обвинялъ меня въ томъ же, за что ты впослѣдствіи и хвалишь, какъ другъ, и обвиняешь, какъ врагъ. Я знаю бѣгъ возбуждено это бѣшенство его противъ меня, я знаю твои

подкопы. Не безъизвѣстна мнѣ та простота, которую всѣ восхваляютъ. Вслѣдствіе его глупости разразилась твоя злоба противъ меня; если я своимъ письмомъ отразилъ послѣднюю, чтобы показать, что не у тебя одного есть литературная палка, то ты не долженъ лживо ссылаться на гнусныя слова, которыхъ совершенно нигдѣ не читалъ, а долженъ понять и сознаться, что вслѣдствіе его глупости, данъ былъ отвѣтъ на твои клеветы.

20. Посланіе святаго папы Анастасія поставило тебя въ скользкое положеніе, и, встревоженный, ты не находишь, на чемъ могъ бы твердо стоять. Ибо недавно ты говорилъ, что оно сочинено мною, а теперь—что оно должно было быть переслано къ тебѣ тѣмъ, кому было послано. Опять ты уличаешь пишущаго въ несправедливости, и утверждаешь, что писано ли оно было имъ, или не писано, это нисколько тебя не касается, такъ какъ ты имѣешь свидѣтельство его предшественника и, по любви къ своему городку, не исполнилъ просьбы Рима лично дать объясненіе относительно этого посланія. Если ты подозрѣваешь, что оно написано мною, то почему ты не разыскиваешь его въ архивѣ римской церкви, чтобы дознавши, что оно не написано епископомъ, очевиднѣйшимъ образомъ обвинить меня въ преступленіи, и не разкидывать для меня слабой паутины, а поймать меня въ самыя крѣпкія и прочныя тенета? Если же оно принадлежитъ римскому епископу, то ты глупо дѣлаешь, что требуешь экземпляръ посланія у неполучавшаго и не посылавшаго его,—съ востока ожидаешь свидѣтельства о томъ, автора и свидѣтеля чего имѣешь вблизи. Пойди лучше въ Римъ и лично спроси у него, почему онъ безчестилъ тебя и заочно и невинно—вопервыхъ тѣмъ, что не принялъ изложенія твоей вѣры, которое, какъ ты пишешь, одобрила вся Италия, и не захотѣлъ воспользоваться палкою писемъ твоихъ противъ псовъ твоихъ,—и во вторыхъ тѣмъ, что посы-

лалъ на востокъ посланія противъ тебя, невѣдомо для тебя заклеилъ тебя именемъ еретика, говорилъ, что книги Оригена пері 'Αρχωνъ переведены тобою и преданы простосердечной церкви римской для того, чтобы чрезъ тебя римляне потеряли истину вѣры, принятой отъ апостола, и что тебѣ особенно непріятно, осмѣлился обвинить эти книги, рекомендованныя свидѣтельствомъ твоего предисловія. Тяжко то, что вмѣняешь тебѣ епископъ такого города или что онъ не задумываясь принялъ какъ поставленное тебѣ въ вину другимъ. Вопи и кричи по перекресткамъ и улицамъ: это не моя книга, а если и моя, то это несправленные листки, украденные Евсевіемъ; я не такъ ихъ издалъ или, вѣрнѣе, и не издавалъ; я никому не давалъ ихъ или, по крайней мѣрѣ, немногимъ, и врагъ былъ такъ золъ, друзья были такъ небрежны, что кодексы всѣхъ одинаково искажены имъ. Вотъ что ты, любезнѣйшій братъ, долженъ былъ дѣлать, а не направлять, обратившись къ нему спиною, противъ меня заморскія стрѣлы твоихъ ругательствъ. Ибо что пользы для твоихъ ранъ, если я буду раненъ? Или какое утѣшеніе для раненаго — вмѣстѣ съ собою видѣть умирающимъ друга?

21. Ты приводишь посланіе уже почивающаго къ Господѣ Сириція и пренебрегаешь словами живущаго Анастасія. Чѣмъ, говоришь ты, можетъ повредить тебѣ то, что онъ, невѣдомо для тебя писалъ или, можетъ быть, не писалъ? И если онъ и писалъ, то для тебя достаточно свидѣтельства цѣлаго міра. Но вѣдь никому не представляется вѣроятнымъ, чтобы святитель такого города дѣйствительно могъ несправедливо осудить или невиновнаго, или отсутствующаго. Ты называешь себя невиннымъ когда перевода твоего ужаснулся Римъ,—отсутствующимъ, когда, будучи обвиненъ, ты не осмѣливаешься защищаться, и такъ избѣгаешь суда города Рима, что предпочитаешь перенести осаду (Аквилей) варварами, чѣмъ выдержать приговоръ мирнаго города. Пусть я

сочинилъ прошлагоднее посланіе. А кто прислалъ на востокъ новыя посланія? Въ нихъ папа Анастасій такими цвѣтами украшаетъ тебя, что, прочитавши ихъ, ты сталъ бы больше желать защищать себя, чѣмъ обвинять меня. Въ-стѣ съ тѣмъ посмотри на свою неподражаемую мудрость, аттическую соль и прелести священнаго краснорѣчія. Другіе нападаютъ на тебя, другіе осыпаютъ тебя обвиненіями, а ты, взбѣшенный противъ меня, съ похвалбою говоришь: »Развѣ и я не могу рассказать, какъ ты удалился изъ Рима какъ судили о тебѣ когда ты былъ тамъ, что писали о тебѣ послѣ, въ чемъ ты клялся, гдѣ взойшолъ на корабль, какъ свято сохранилъ клятву? Я могъ раскрыть это, но многое рѣшилъ лучше сохранить, чѣмъ сообщать«. Таковы прикрасы твоихъ словъ. И затѣмъ ты сейчасъ же угрозишь мнѣ ссылкой и мечами, если только я скажу о тебѣ что-либо рѣзкое. А между тѣмъ ты, краснорѣчивѣйшій человѣкъ, играешь риторическимъ искусствомъ и показываешь видъ, будто опускаешь то, что говоришь, чтобы, не имѣя возможности доказать обвиненій, показать преступность того, о чемъ какъ бы умалчиваешь. Таково все твое прямодушіе, такъ-то ты щадишь друга; ты приберегаешь себя до судебного трибунала, чтобы, щадя меня, взвалить на меня кучу преступленій.

22. Ты хочешь знать, какъ я отправился изъ Рима? Расскажу вкратцѣ. Въ августѣ мѣсяцѣ, когда дули пассатные вѣтры, я съ святымъ пресвитеромъ Винцентіемъ, съ братомъ—юношею, и съ другими монахами, находящимися теперь въ Іерусалимѣ, спокойно возшелъ въ римской гавани на корабль, въ сопровожденіи огромнаго стеченія святыхъ. Прибылъ въ Регій, остановился на нѣсколько времени на берегу Сциаллы, гдѣ ознакомился съ старыми баснями, съ опаснымъ путемъ хитраго Улисса, съ пѣснями сиренъ и съ насыщенной пучиной Харибды. И тогда какъ мѣстные жители

многое рассказывали мнѣ и давали совѣтъ плыть не къ столпамъ Протея ¹⁾, а къ гавани Юны ²⁾, потому что первый путь есть путь бѣглецовъ и людей неспокойныхъ, а второй — путь человѣка безопаснаго, я предпочелъ чрезъ Малей и Циклады отправиться въ Кипръ. Принятый здѣсь почтеннымъ епискомъ Елифаніемъ, свидѣтельствомъ котораго ты хвалишься, я прибылъ въ Антиохію, гдѣ пользовался общеніемъ епископа и исповѣдника Павлина и, послѣ того какъ онъ проводилъ меня, среди зимы и жесточайшаго холода, прибылъ въ Іерусалимъ. Я увидѣлъ много удивительнаго и своими глазами убѣдился въ томъ, что прежде было извѣстно мнѣ по слуху. Отсюда отправился въ Египетъ, осмотрѣлъ Нитрійскіе монастыри и увидѣлъ, что среди хоровъ святыхъ скрываются аспиды. Вскорѣ съ поспѣшностію возвратился я въ свой Вилеємъ и усладился благовоніемъ яслей и колыбели Спасителя. Видѣлъ также знаменитое озеро ³⁾ и не предавался бездѣятельному покою, а узналъ многое, чего прежде не зналъ. А относительно того, какъ судили обо мнѣ въ Римѣ и что въ послѣдствіи было писано обо мнѣ, я не хочу, чтобы ты молчалъ, особенно если ты имѣешь письменные документы; только я долженъ быть уличенъ не твоими показаніями, которыя ты способенъ выдумывать и забросать меня безнаказанною ложью, а документами церковными. Смотри, какъ я боюсь тебя: если ты представишь хоть маленькую записочку римскаго епископа или другой церкви противъ меня, то все, что было написано противъ тебя, я признаю своими преступленіями. Развѣ не могъ бы и я разоб-

¹⁾ Къ предѣламъ Египта.

²⁾ Къ городу Іоппін, откуда бѣжалъ пророкъ Іона.

³⁾ Мертвое море.

ратъ твое отправленіе,—какихъ лѣтъ ты былъ, откуда, въ какое время отплылъ, гдѣ жилъ. у кого былъ? Но да не будетъ, чтобы я дѣлалъ то, что порицаю въ тебѣ, и церковное разсужденіе наполнялъ вздоромъ старушечьихъ сплетень. Пусть для твоей мудрости будетъ достаточно только того, что я сказалъ, чтобы ты остерегался говорить противъ другаго то, что можно тотчасъ обратить противъ тебя.

23. Та увертка твоя на счетъ святаго Епифанія, что послѣ цѣлованія, послѣ молитвы онъ, какъ ты говоришь, не могъ писать противъ тебя, столь же странна, какъ еслибы ты сталъ утверждать, что недавно жившій не могъ умереть, или что несомнѣннѣе упрекъ сдѣланный тебѣ, чѣмъ послѣдовавшее послѣ мира отлученіе. *Отъ насъ*, говорить, *изыдоша, но не быша отъ насъ; пребыли убо быша съ нами* (1 Іоан. 2, 19). Апостолъ предписываетъ послѣ перваго и втораго вразумленія удаляться отъ еретика (Тит. 3, 10), который, прежде чѣмъ стали удаляться отъ него или осудили его, былъ, конечно, членомъ церковнаго стада. И вмѣстѣ съ тѣмъ я не могу удержаться отъ смѣха, что ты, вразумленный какимъ-то мудрымъ человѣкомъ, въ похвалу Епифанію вѣщаешь: «это тотъ выжившій изъ ума старикъ, тотъ антропоморфитъ, тотъ, который въ твоёмъ присутствіи возвѣстилъ о шести тысячахъ книгъ Оригена, который думаетъ, что на него возложена проповѣдь противъ Оригена на языкахъ всѣхъ народовъ, который отклоняетъ отъ чтенія Оригена для того, чтобы другіе не узнали объ его тайныхъ заимствованіяхъ». Прочитай свои сочиненія и его посланіе или, вѣрнѣе, посланія, изъ которыхъ я приведу одно свидѣтельство о твоей вѣрѣ, чтобы не казалось, что онъ незаслуженно теперь восхваленъ тобою: »Тебя же братъ, и вѣренный тебѣ Христовъ народъ, и всѣхъ братій, которые находятся съ тобою, и преимущественно пресвитера Руфина да избавитъ Богъ отъ ереси Оригена и другихъ ересей и ихъ пагубы. Ибо если изъ-

за одного или двухъ словъ, противныхъ вѣрѣ, многія ереси отвергнуты церковію, то восколько болѣе будетъ считаться между еретиками тотъ, кто противъ вѣры измыслилъ столько извращеній и ложныхъ ученій, кто заявилъ себя врагомъ церкви Божіей! Таково свидѣтельство святаго мужа о тебѣ; съ такими выступишь ты украшеніями, съ такими похвалами отъ него. Таково посланіе, за золотыя монеты изъ спальни брата Евсевія выведенное тобою на свѣтъ для того, чтобы обвинить переводчика, чтобы уличить меня, какъ виновнаго въ явномъ преступленіи, — зачѣмъ я перевелъ *«любезнѣйшій»*, вмѣсто *«почтенный»*. Но какое тебѣ до этого дѣло; ты все благоразумно смягчаешь и ко всему относишься равнодушно; если найдешь, кто повѣритъ тебѣ, то и Анастасій и Епифаній не писали противъ тебя (если бы только самыя посланія не свидѣтельствовали противъ тебя и не сломили дерзости твоей) да и писали ли они, или не писали, ты совершенно пренебрегаешь судомъ ихъ и тебѣ нѣтъ до этого дѣла, потому что они не могли писать о невинномъ и отсутствующемъ. Притомъ и не слѣдуетъ такое зло относить къ святому мужу, »въ доказательство, что хотя онъ устами и цѣлованіемъ засвидѣтельствовалъ примиреніе, однако въ сердцѣ своемъ сохранилъ зло и коварство«. Такова твоя аргументація и таковы слова твоей защиты. Что посланіе противъ тебя принадлежитъ ему, это весь міръ признаетъ, и мы утверждаемъ, что оно доставлено тебѣ въ подлинникъ; и я удивляюсь скромности или, вѣрнѣе, безстыдству, съ какими ты отрицаешь то, въ истинности чего не сомнѣваешься. Слѣдуетъ по твоему, что безчестье будетъ лежать на Епифаніи, который далъ тебѣ примиреніе, а въ сердцѣ своемъ сохранилъ коварство. А почему не вѣрнѣе то, что онъ сначала сдѣлалъ тебѣ увѣщаніе, что онъ хотѣлъ исправить и обратить на правый путь, чтобы не отвергнуть цѣлованія Іуды, чтобы терпѣніемъ побѣдить предателя вѣры, но, убѣ-

дившись, что онъ трудится напрасно и что барсь не можетъ измѣнить пестроты своей и еѳіопъ кожи своей, объявилъ письменно то, что держалъ въ умѣ?

24. Нѣчто подобное представляютъ и твои разсужденія противъ папы Анастасія: такъ какъ ты имѣешь посланіе епископа Сириція, то онъ, будто бы, не могъ писать противъ тебя. Опасаюсь, какъ бы ты не заподозришь, что тебѣ оказана несправедливость. Не знаю, какимъ образомъ ты, человѣкъ проицательный и благоразумный, дошелъ до такихъ нелѣпостей, что, считая читателей глупыми, уличаешь себя самого въ глупости. Послѣ превосходной аргументаціи, ты въ заключеніе говоришь: »Пусть не будетъ этого отъ святыхъ мужей. Это обыкновенно выходитъ изъ вашей школы. При отправленіи, вы дали намъ примиреніе, а сзади бросили намъ стрѣлы, налитанныя ядомъ«. И въ этой столь же умной рѣчи или, вѣрнѣе, декламаціи ты хотѣлъ быть краснорѣчивымъ. Мы примиреніе дали, а ересь не приняли. Мы подали вамъ руки, проводили васъ при отъѣздѣ для того, чтобы вы были православными, а не для того, чтобы намъ быть еретиками. Однако я хочу знать, что это за ядовитыя стрѣлы, которыя, какъ ты жалуешься, мы бросили сзади васъ?—Это—Винкентій, Павлиніанъ, Евсевій, Руфинъ пресвитеры. Изъ нихъ Влнкентій прибылъ въ Римъ за много времени до васъ, Павлиніанъ и Евсевій отправились черезъ годъ послѣ вашего отплытія, Руфинъ, по дѣлу Клавдія, былъ посланъ чрезъ два года,—все или отправились по домашнимъ дѣламъ или вслѣдствіе опасности для жизни другихъ. Развѣ мы могли знать то, что снилось, при твоёмъ вступленіи въ Римъ, славному мужу¹⁾—будто съ надутыми парусами

¹⁾ Макарію, которому Руфинъ приписалъ Аполлогію Памфіла и объяснялъ трудности относительно судьбы (см. ниже гл. 29).

входитъ корабль полный товаровъ ¹⁾, что всѣ вопросы о судьбѣ (fatum) разрѣшены неглупымъ (non fatua) толкованіемъ, что ты перевелъ книгу Евсевія вмѣсто книги Памфила, наложилъ какъ бы свою крышку на отравленную миску, съ своимъ высокимъ краснорѣчіемъ перевелъ пресловутое сочиненіе περί 'Αρχῶν? Новый родъ обвиненія: мы, будто-бы, послали обвинителей прежде, чѣмъ ты сдѣлалъ то, что нужно было обвинять. Не было, не было, говорю я, дѣломъ нашего намѣренія то, что посланные съ другою цѣлію вооружились противъ заражающей ереси и, подобно Іосифу, имѣвшій наступить голодъ облегчили теплотою вѣры.

25. Куда не вторгается однажды разнузданная дерзость? Онъ упрекаетъ себя въ чужой винѣ, чтобы казалось, что мы ее выдумали. Сказанное анонимно онъ относитъ къ себѣ и, оправдывая посторонніе проступки, не заботится только о своей невинности. Клянется, что онъ не писалъ отъ моего имени посланія къ Африканцамъ, въ которомъ я сознаюсь, что, по соблазну со стороны іудеевъ, я перевелъ невѣрное, и тѣмъ не менѣе посылаетъ книги, въ которыхъ содержится все то, въ незнаніи чего онъ клянется. Удивляюсь, какимъ образомъ его мудрость такъ совнала съ преступностію другаго, что выдуманное въ Африкѣ однимъ, другою согласно съ нимъ призналъ истиннымъ, и не знаю, какой невѣжда могъ бы поддѣлаться подъ его изящный стиль. Тебѣ только одному дозволено перевозить яды еретиковъ и изъ чаши Вавилона давать пить всѣмъ народамъ. Ты будешь исправлять латинскія писанія съ греческаго и давать церквамъ для чтенія не то, что однажды онѣ приняли отъ апостоловъ; а мнѣ послѣ изданія Семидесяти, которое, въ тщательнѣйше исправленномъ видѣ за весьма много лѣтъ я далъ

¹⁾ То есть лжеученій (см. ниже гл. 29).

людямъ моего языка, непозволительно будетъ для опроверженія іудеевъ переводить даже тѣ списки, которые ими самими признаются за самые вѣрные, чтобы, при преніи съ христіанами, имъ не было куда увернуться, но чтобы ихъ можно было поразить преимущественно ихъ же собственнымъ оружіемъ? Подробнѣе объ этомъ я писалъ, помнится мнѣ, и во многихъ другихъ мѣстахъ, и въ концѣ второй книги, гдѣ я отвѣтилъ на твое обвиненіе и очевидными доказательствами обуздалъ твою болтовню, которою ты стараешься возбудить въ людяхъ простыхъ и неопытныхъ ненависть ко мнѣ; туда, я думаю, и слѣдуетъ отослать читателя.

26. Не позволю себѣ обойти молчаніемъ и слѣдующаго: не жалуйся, что искажитель твоихъ листковъ пользуется у меня славою исповѣдника; между тѣмъ какъ тебя, виновнаго въ томъ же преступленіи, послѣ александрійской ссылки и мрачнымъ тюремъ, всѣ послѣдователи Оригена называютъ мученикомъ и апостоломъ. Относительно твоего извиненія незнаніемъ я уже отвѣтилъ тебѣ. Но такъ какъ ты опять повторяешь тоже и, какъ бы забывъ о своей прежней защитѣ, снова напоминаешь, чтобы мы знали, что ты въ продолженіе тридцати лѣтъ поглощая греческія книги, не знаешь латинскихъ, то обрати нѣсколько вниманіе на то, что я не за слова только немногія порицаю тебя,—въ такомъ случаѣ тебѣ нужно было-бы уничтожить все твое писаніе,—но что я хотѣлъ показать твоимъ ученикамъ, которыхъ ты съ большимъ усердіемъ научилъ ничего не знать, чтобы они поняли, сколько скромности заключается въ томъ, чтобы учить чего не знаешь, и писать, чего не понимаешь, и чтобы той-же мудрости учителя они искали и въ мысляхъ. А что касается твоего прибавленія: »смердятъ не слова, а грѣхи, ложь, клевета, оужденіе, лжесвидѣтельство и всѣ злословія, и что *уста лжущая убиваютъ душу*« (Прем. 1, 11) и твоего совѣта, чтобы тотъ смрадъ не доходилъ до моего носа»,

Творенія бл. Иеронима.

то я повѣрилъ бы говорящему это, если бы не зналъ фактовъ противорѣчащихъ этому; ты говоришь, подобно тому, какъ если бы суконщикъ и кожевникъ совѣтовали живописцу, чтобы онъ съ заткнутымъ носомъ проходилъ мимо ихъ мастерскихъ. Поступлю же по твоему приказанію, — зажму свой носъ, чтобы онъ не страдалъ отъ весьма пріятнаго запаха твоей истины и твоихъ благословеній.

27. Хваля и порицая меня, — ты вѣдь оказался разнообразнымъ, — ты удивительно остроумно доказываешь, что тебѣ такъ же можно и хорошо и дурно говорить обо мнѣ, какъ мнѣ можно было порицать Оригена и Дидима, которыхъ прежде я хвалилъ. Такъ выслушай же, мудрейшій мужъ и глава римской діалектики, что не предосудительно хвалить одного и того же человѣка за одно и обвинять за другое, а предосудительно одно и тоже одобрять и не одобрять. Приведу примѣръ, чтобы благоразумный читатель понялъ вмѣстѣ со мною то, чего ты не понимаешь. Въ Тертуліанѣ мы хвалимъ умъ, но осуждаемъ ересь. Въ Оригенѣ мы удивляемся знанію Писаній и однако не принимаемъ ложныхъ ученій. Въ Дидимѣ же мы прославляемъ и память, и чистоту вѣры относительно Троицы, но въ прочемъ, въ чемъ онъ несправедливо довѣрился Оригену, мы уклоняемся отъ него. Ибо должно подражать не недостаткамъ, а добрымъ качествамъ учителей. Нѣкто въ Римѣ имѣлъ грамматика африканца, ученѣйшаго мужа, и думалъ сравняться съ своимъ учителемъ подражая только шипѣнію его языка и недостаткамъ рта. Въ предисловіи къ *περί Ἀρχῶν* ты называешь меня братомъ и краснорѣчивѣйшимъ товарищемъ и прославляешь истинность моей вѣры. Ты не будешь въ состояніи порицать этихъ трехъ предметовъ; прочее порицай сколько угодно, чтобы не казалось, что ты противорѣчишь собственному свидѣтельству обо мнѣ. Когда ты называешь меня братомъ и товарищемъ, то признаешь меня достойнымъ твоей дружбы;

когда хвалишь меня за краснорѣчіе, то уже не уличаешь въ невѣжествѣ; когда признаешь православнымъ во всемъ, то не можешь обвинять въ ереси. Если будешь порицать во мнѣ что-либо, кромѣ этихъ трехъ предметовъ, то не будешь казаться противорѣчащимъ себѣ. Изъ этого расчета выходитъ тотъ итогъ, что ты допускаешь ошибку, порицая во мнѣ то, что прежде хвалилъ, и что я не погрѣшаю, если въ однихъ и тѣхъ же людяхъ и прославляю то, что должно хвалить, и порицаю то, что должно порицать.

28. Ты переходишь къ состоянію душъ и очень подробно укоряешь меня за мой дымъ ¹⁾ и,—чтобы тебѣ можно было не знать того, въ чемъ ты намѣренно прикидываешься незнающимъ,—спрашиваешь меня сперва о небесномъ: какимъ образомъ существуютъ ангелы, какимъ образомъ архангелы? гдѣ и какъ они обитаютъ? есть ли какое между ними различіе, или совершенно нѣтъ никакого? Въ какихъ условіяхъ существуетъ солнце, отчего бываютъ приращенія луны, отчего затмѣнія, какой или какого рода путь звѣздъ? Удивляюсь, какъ ты позабылъ привести извѣстные стихи:

Что за причина трисеній земли и волнъ бурныхъ на морѣ,
То всѣ преграды ломающихъ, то осѣдающихъ снова?
И отчего происходятъ затмѣнія луны или солнца?
Люди откуда, и вѣтри, и дождь, и пламени сила,
Что такое Гіады, Арктуръ и двойные Тріоны,
И отчего лишь зимнее солнце такъ скоро уходитъ
Въ волны морскія; что значать столь долгія зимнія ночи? ¹⁾

Затѣмъ ты, оставляя небесное и нисходя къ земному, философствуешь о менѣ важныхъ предметахъ. Ты спрашиваешь меня: «скажи намъ, отчего бываютъ источники? отчего вѣтры? отчего градъ? отчего дожди? Отчего море солоно?

¹⁾ То есть пустословіе, болтовню, хвастовство.

²⁾ *Virgilie. Georg. II, 478—482; Aeneid. I, 743—746.*

отчего рѣки прѣсны? отчего облака, ливни, громы и молніи сверкающія и убивающія? Это ты дѣлаешь для того, чтобы послѣ того какъ я отвѣчу, что не знаю этого, тебѣ спокойно можно было оставаться въ невѣдѣніи о душахъ и въ противовѣсь знанію одного предмета поставить незнаніе столькихъ вещей. Ты, на каждой страницѣ продувающей мой дымъ, неужели не понимаешь, что я вижу твой мракъ и твои пустые вихри? Чтобы предъ самимъ собою казаться нѣчто знающимъ и у Кальпурніевыхъ учениковъ¹⁾ пользоваться славою ученаго, ты выставляешь противъ меня всю физику, чтобы оказалось вздоромъ сказанное Сократомъ, при переходѣ къ этикѣ: «что надъ нами, то не для насъ». Значить, если я не укажу тебѣ причинъ, почему муравей, маленькое животное и составляющее, такъ сказать, тѣлесную точку имѣетъ шесть ногъ, между тѣмъ какъ громадное животное слонъ ходитъ на четырехъ ногахъ, почему змѣи и ужи ползаютъ на чревѣ и груди, между тѣмъ какъ червячекъ, котораго народъ называетъ тысяченожкой (мокрицей), имѣетъ такое множество ногъ, то не буду въ состояніи знать о состояніи душъ? Ты спрашиваешь, что я думаю о душахъ, чтобы, какъ только я выскажусь, тотчасъ напасть на меня. И если я выскажу извѣстное церковное ученіе, что Богъ постоянно творитъ души и посылаетъ ихъ въ тѣла раждающихся, то ты тотчасъ представишь сѣти учителя: а гдѣ правосудіе Божіе, если онъ даруетъ души раждающимся отъ прелюбодѣянія и вровосмѣшенія? Значить Онъ содѣйствуетъ грѣхамъ людей, и для прелюбодѣвъ, производящихъ тѣла, Самъ образуетъ души? Какъ будто если будетъ украдена пшеница, то это вѣняется въ вину посѣявшему, а не укравшему

¹⁾ Здѣсь разумѣются ученики Руфина (Макарій, Аппроніанъ и друг.), котораго блаж. Іеронимъ не рѣдко называетъ Кальпурніемъ (см. ниже гл. 32); также Апол. прот. Руф. кн. I, гл. 30.

посѣянное, и какъ будто земля не должна согрѣвать сѣмена въ своихъ нѣдрахъ, если сѣятель разбросаетъ ихъ не чистою рукою. Отсюда происходитъ и тотъ твой таинственный вопросъ, — почему умираютъ младенцы, получивши тѣла за грѣхи. Есть книга Дидима къ тебѣ, въ которой онъ отиѣтилъ на твои разспросы, что они не совершили многихъ грѣховъ, и поэтому имъ достаточно только коснуться темницы тѣлъ. Мой и твой учитель въ то время, когда ты спрашивалъ его объ этомъ, изложилъ для меня, по моей просьбѣ, три книги толкованій на пророка Осію. Изъ этого ясно, чему онъ научилъ меня и чему тебя.

29. Ты вынуждаешь меня отвѣчать относительно природы вещей. Если бы было мѣсто, то я могъ бы изложить тебѣ мнѣнія или Лукреція по Епикуру, или Аристотеля по перипатетикамъ, или Платона и Зенона по академикамъ и стоикамъ. И, чтобы перейти къ церкви, въ которой находится норма истины,—многое сообщаютъ относительно вопросовъ подобнаго рода и Бытіе и книги пророковъ, и Екклесіастъ. Или, если мы и не знаемъ объ этомъ, то какимъ образомъ по поводу вопроса о состояніи душъ, ты въ своей Апологіи долженъ былъ признаться въ незнаніи всего этого и спросить обвинителей, почему они съ безстыдствомъ допрашиваютъ тебя объ одномъ, когда сами не знаютъ столь многого? О богатѣйшая трирема, пришедшая обогатить бѣдный Римъ восточными и египетскими товарами! ¹⁾

Ты славный Максимъ,—

Ты одинъ спасъ государство у насъ, и спасъ лишь писаньемъ ²⁾.

Да, если бы ты не прибылъ съ востока, то ученѣйшій мужъ доселѣ примыкалъ бы къ математикамъ и всѣ хрістіане не

¹⁾ См. выше гл. 24.

²⁾ Это пародія на стихи римскаго поэта Квинта Эннія (въ его лѣтописи) о Фабіи Максимѣ, спасшемъ римское государство своею медленностію во время второй пунической войны.

знали бы, что имъ сказать противъ судьбы. Справедливо ты спрашиваешь меня объ астрологѣ и о теченіи неба и звѣздъ, ты доставившій корабль, наполненный столь цѣнными товарами. А я признаюсь въ своей бѣдности: я на востокъ не обогатился такъ какъ ты. Тебя Фаросъ долго училъ тому, что не зналъ Римъ; тебѣ Египеть сообщилъ то, чего доселѣ не имѣла Италія.

30. Ты пишешь, что у церковныхъ писателей существуетъ три мнѣнія о душахъ: одно, которому слѣдуетъ Оригенъ, другое, которому слѣдуютъ Тертуллианъ и Лактанцій (хотя о Лактанціи ты явно лжешь), третье, которому слѣдуемъ мы, простые и глупые люди, не понимающіе, что если это такъ, то мы стали бы уличать Бога въ неправосудіи. И затѣмъ ты клянешься, что не знаешь, въ чемъ заключается истина. Скажи, прошу тебя: думаешь ли ты, что въ этихъ трехъ мнѣній есть нѣчто, въ чемъ заключается истина, и что эти три ложны? Или же изъ этихъ трехъ одно есть истинное? Если есть нѣчто, то почему ты ограничиваешь свободу разсуждающихъ узкими предѣлами и, указывая на ложь, умалчиваешь объ истинѣ? Если же изъ трехъ одно истинно, остальные два ложны, ты почему ты одинаково не знаешь и ложнаго и истиннаго? Или для того ты скрываешь истину, чтобы тебѣ было безопасно, когда захочешь, защищать ложь. Вотъ тотъ дымъ, тотъ мракъ, которыми ты стараешься устранить свѣтъ отъ глазъ людей. Ты Аристиппъ ¹⁾ нашего времени, ввезшій корабль, полный всякихъ товаровъ, въ римскую гавань, и, поставивши публично кафедру, являешь—

¹⁾ Аристиппъ, основатель школы киренанковъ, былъ первымъ философомъ, бравшимъ плату съ слушателей. Гермоторъ и Горгій Леонтинскій—риторы, пользовавшіеся извѣстностію и безъ предварительной подготовки разсуждавшіе о тѣхъ предметахъ, о которыхъ имъ предлагались вопросы.

АПОЛОГИЯ ПРОТИВЪ РУФИНА, КН. 3.

ся намъ Гермогоромъ и Горгіемъ Леонтинскимъ: спѣша отплыть, ты на востокѣ позабылъ о товарѣ, состоящемъ изъ одного вопроса. И снова ты кричишь и болтаешь, что и въ Аквидеѣ и въ Александріи ты научился тому, что Богъ есть Творецъ и душъ и тѣлъ. Какъ будто споръ идетъ о томъ, Богъ ли, или діаволь создалъ души, а не о томъ, существовали ли души прежде тѣлъ, какъ утверждаетъ Оригенъ, и совершили ли что-либо, вслѣдствіе чего онѣ связаны съ грубыми тѣлами, или же онѣ подобно сонямъ (животнымъ), находились въ оцѣпенѣніи и спячкѣ. Ты умалчиваешь объ этомъ, о чемъ всѣ спрашиваютъ, и отвѣчаешь на то, о чемъ никто не спрашиваетъ.

31. Часто поднимаешь ты на смѣхъ мой дымъ—то, что я прикидываюсь знающимъ то, чего не знаю, и перечисленіемъ ученыхъ морочу невѣжественную толпу. Ты конечно—человѣкъ пламенный, даже молніеносный, въ рѣчи бросающій перуны и не могущій удержать заключающагося въ устахъ твоихъ пламени; подобно тому какъ извѣстный Баръ-Хохаба ¹⁾, виновникъ іудейскаго возмущенія, зажегши во рту соломенку, дулъ чрезъ нее чтобы казалось будто онъ извергаетъ пламень, такъ и ты, второй Салмоней, освѣщаешь все, чрезъ что проходишь и обличаешь насъ, какъ дымящихся, о которыхъ можетъ быть говорится: *прикасайся горамъ, и дымятся* (Псал. 103, 32): ты не понимаешь, какого рода саранчу обозначаетъ дымъ у пророка (Апок. 9, 3), и твои прекрасные глаза не могутъ вынести горечи нашего дыма.

¹⁾ Онъ выдавалъ себя за Мессію, приписывалъ себѣ силу чудотвореній и возмущилъ іудеевъ, съ которыми и убитъ въ 133 г. по Р. Х.—Салмоней—лицо міеологическое; онъ хотѣлъ сравняться съ Юпитеромъ и искусственными средствами старался производить громы и молніи (Virgil. Aen. 6, 585 sqq.).

32. Что же касается до обвиненія въ клятвопреступленіи, то, такъ какъ ты отсылаешь меня къ своему кодексу и такъ какъ я большею частію въ другихъ книгахъ далъ отвѣтъ тебѣ и Кальпурнію, то теперь достаточно коротко сказать, что ты отъ соннаго требуешь того, чего никогда не обнаруживалъ самъ въ бодрственномъ состояніи. Я виновенъ въ большомъ преступленіи, если я сказалъ дѣвицамъ и дѣвственницамъ Христовымъ, что не нужно читать свѣтскихъ книгъ и что, вразумленный во снѣ, обѣщаль не читать ихъ. Твой корабль, обѣщанный въ откровеніи ¹⁾ городу Риму, одно обѣщаетъ, а другое дѣлаетъ. Онъ пришелъ разрѣшить вопросы математиковъ, а разрушаетъ вѣру христіанъ. Проплывши на всѣхъ парусахъ чрезъ Іонійское и Эгейское, Адриатическое и Тиренское море, онъ въ римской гавани потерпѣлъ крушеніе. Неужели тебѣ не стыдно заниматься такого рода вздоромъ и налагать на меня необходимость опровергать подобныя вещи? Пусть иной видѣлъ славный сонъ о тебѣ: долгомъ твоей скромности и благоразумія было молчать о томъ, что ты слышалъ, а не хвалиться, какъ важнымъ свидѣтельствомъ, сновидѣніемъ другаго. Смотри, какая разница между твоимъ и моимъ сновидѣніемъ. Я со смиреніемъ рассказываю о томъ, какъ меня наказывали, а ты съ хвастливостію повторяешь, какъ тебя хвалили. Ты не можешь сказать: для меня нисколько не важно то, что другой видѣлъ во снѣ, такъ какъ ты въ своихъ пресловутыхъ книгахъ говоришь, что этимъ обстоятельствомъ ты вызванъ былъ къ переводу, чтобы не пропало сновидѣніе о тебѣ славнаго мужа. Таковы всѣ твои стремленія: если докажешь, что я клятвопреступникъ, то ты не будешь еретикомъ.

33. Перехожу къ самому тяжкому обвиненію, въ которомъ ты обвиняешь меня въ невѣрности по возстановленіи

¹⁾ Въ сновидѣніи Макарію (см. выше гл. 23).

дружбы. Признаюсь, изъ всего дурнаго, въ чемъ ты или упречаешь меня, или грозишь, ничто не должно быть для меня такъ противно, какъ обманъ, коварство, невѣрность. Ибо грѣшить свойственно человѣку, а строить ковы—дѣволу. Итакъ, неужели для того я примирился съ тобою въ храмѣ Воскресенія по закланіи агнца, чтобы украсть въ Римъ твои листки, чтобы подосланные псы обглодали, во время твоего сна, не исправленные листки? И неужели вѣроятно то, что мы подготовили обвинителей прежде, нежели было совершено тобою преступленіе, что, то есть, мы знали, что у тебя было на умѣ, что другому снилось о тебѣ, чтобы на тебѣ исполнилась греческая пословица,—чтобы свинья учила Минерву? Если я прислалъ Евсевія съ тѣмъ, чтобы онъ лаялъ, то кто возбудилъ противъ тебя ярость Атербія и прочихъ? Ужъ не тотъ ли, кто и меня призналъ еретикомъ вслѣдствіе дружбы съ тобою? Когда я удовлетворилъ его осужденіемъ ученій Оригена, то ты, запершись дома, никогда не осмѣливался видѣть его, чтобы или не осудить того, чего не хотѣлъ, или явнымъ сопротивленіемъ не возбудить ненависти къ ереси. Или потому онъ не могъ быть свидѣтелемъ противъ тебя, что онъ обвиняетъ тебя? Прежде нежели святой Епифаній прибылъ въ Іерусалимъ и устами и дѣлованіемъ засвидѣтельствовалъ примиреніе съ тобою, сохраняя зло и коварство въ своемъ сердцѣ, прежде, нежели мы продиктовали позорящія тебя письма къ нему, чтобы онъ написалъ, какъ о еретикѣ, о томъ, кого онъ дѣлованіемъ одобрилъ, какъ православнаго, Атербій уже лаялъ противъ тебя въ Іерусалимѣ, и еслибы онъ скоро не удалился, то испыталъ бы на себѣ палку не писемъ, а твоей руки,—палку, которою ты обыкновенно отгоняешь псовъ.

34. «Почему, говоритъ онъ, ты принялъ мои искаженные листки? Почему, послѣ моего перевода, ты осмѣлился направить стиль на книги пері Архѣв? Если я погрѣшилъ,

какъ человѣкъ, то не долженъ ли ты былъ войти въ соглашеніе со мною посредствомъ частныхъ писемъ и такъ же ласково относиться ко мнѣ, какъ и я отношусь теперь къ тебѣ въ своихъ письмахъ? Въ томъ вся моя вина, что, обвиненный лукавыми похвалами, я хотѣлъ очистить себя и притомъ безъ всякой ненависти къ твоему имени, такъ какъ обвиняемое однимъ тобою я отнесъ ко многимъ, не тебя обвиняя въ ереси, а отъ себя отстраняя ересь. Развѣ я зналъ, что ты будешь сердиться, если я буду писать противъ еретиковъ? Ты сказалъ, что ты устранилъ изъ книгъ Оригена то, что было въ нихъ еретическаго: я думалъ, что ты уже не покровительствуешь еретикамъ, и потому напалъ не на тебя, а на еретиковъ, и если при этомъ я погорячился, то прости меня. Я думалъ, что это и тебѣ понравится. Ты говоришь, что благодаря воровству и обману моихъ служителей были распространены въ обществѣ твои листки, которые скрывались въ твоей спальнѣ, или были только у того одного, для кого они назначались. Но какимъ образомъ ты выше признаешься, что или никто не имѣлъ ихъ, или весьма немногіе? Если они скрывались въ твоей спальнѣ, то какимъ образомъ они были у того, для кого они назначались? Если же секретно получилъ ихъ одинъ, для кого они были написаны, то, значитъ, они скрывались не въ твоей только спальнѣ и значитъ не имѣли ихъ не многіе, о которыхъ ты свидѣтельствуешь, какъ объ имѣвшихъ. Ты утверждаешь, что они были украдены, а съ другой стороны жалуешься, что они куплены за много денегъ и за множество товаровъ. Объ одномъ обстоятельствѣ и въ одномъ письмѣ сколько разнообразной и разногласной ажи! Тебѣ позволительно обвинять, а мнѣ не будетъ позволительно защищаться? Когда ты обвиняешь, то не думаешь о другѣ: когда я отвѣчаю, то тебѣ приходитъ на умъ обязанность дружбы. Скажи, сдѣлай одолженіе, для того ли ты написалъ листки, чтобы

скрыть, или для того, чтобы издать? Если для того, чтобы скрыть, то зачѣмъ ты написалъ ихъ? А если для того, чтобы издать, что зачѣмъ ты ихъ скрывалъ?

35. Но я достоинъ порицанія за то, что не удержалъ своихъ друзей—твоихъ обвинителей. Не хочешь ли,—я представлю ихъ письма, въ которыхъ они обличаютъ меня въ лицемѣріи за то, что зная о тебѣ какъ объ еретикѣ, я молчалъ, что неосторожно заботясь о мирѣ я положилъ начало междоусобнымъ войнамъ въ церкви? Ты называешь учениками тѣхъ, которые подозрѣваютъ во мнѣ твоего соученика. И такъ какъ я очень снисходителенъ былъ при опроверженіи твоихъ похвалъ, то они считаютъ меня за посвященнаго въ твои тайны. Твой прологъ доставилъ мнѣ то, что ты болѣе сдѣлалъ вреда мнѣ какъ другъ, нежели какъ врагъ. Они разъ навсегда пришли къ убѣжденію (справедливо или нѣтъ—это ихъ дѣло), что ты еретикъ. Если я захочу защищать, то сдѣлаю только то, что они и меня будутъ обвинять одинаково съ тобою. Они даже ставятъ мнѣ въ вину твою похвалу и думаютъ, что ты не съ коварствомъ, а искренне писалъ, и сильно порицаютъ то, что ты прежде всегда хвалилъ во мнѣ. Чего же ты хочешь отъ меня? Чтобы мои ученики вмѣсто тебя стали обвинять меня, чтобы копья, направленные противъ друга, я принялъ на свою грудь?

36. Относительно книгъ περὶ Ἀρχῶν ты долженъ даже благодарить меня. Ибо, какъ ты говоришь, отсѣкши все вредное, ты оставилъ наилучшее, а я такъ изложилъ эти книги, какъ они были въ греческомъ текстѣ. Изъ этого видна и твоя вѣра и ересь того, кого ты перевелъ. Изъ Рима лучшіе мужи во Христѣ писали мнѣ¹⁾: »отвѣчай обвинителю, чтобы, если ты будешь молчать, не показалось, что ты со-

¹⁾ Паммахій и Океанъ.

гласенъ съ нимъ». Всѣ единогласно требовали, чтобы я обличилъ лукавство Оригена, чтобы показалъ, что слуху римлянъ нужно остерегаться яда еретиковъ. Чѣмъ это оскорбляетъ тебя? Развѣ только ты одинъ перевелъ эти книги, развѣ другіе не дѣлали того же? Неужели и ты—одинъ изъ семи-десяти переводчиковъ, такъ что послѣ твоего изданія нельзя переводить другимъ? Вотъ и я многія, какъ ты говоришь, книжки перевелъ съ греческаго на латинскій; можешь и ты, если захочешь, еще перевести ихъ; ибо и хорошее, и дурное вмѣняется своему автору. Это было бы и съ тобою, если бы ты не сказалъ, что ты отсѣкъ еретическое и перевелъ наилучшее. Вотъ это-то и есть твой узелъ, который нельзя развязать. Но если ты, какъ человѣкъ, допустилъ ошибку, то осуди прежнее мнѣніе.

37. Но что ты сдѣлаешь съ своимъ Апологетикомъ, который написалъ ты въ защиту сочиненій Оригена? Что сдѣлаешь съ книгою Евсевія, въ которой хотя ты многое измѣнилъ и подъ именемъ мученика перевелъ сочиненія еретика, однако оставилъ очень многое, что не согласно съ церковною вѣрою? Ты даже латинскія книги переводилъ на греческій языкъ, а намъ не позволяешь давать соотечественникамъ иностранныя? Если бы я отвѣтилъ въ другомъ сочиненіи, въ которомъ ты не оскорбилъ меня, то могло бы показаться, что я для оскорбленія тебя перевожу то, что ты перевелъ, чтобы доказать твою неопытность или лукавство. А теперь новый видъ жалобы: ты оскорбляешься, что тебѣ данъ отвѣтъ въ томъ сочиненіи, въ которомъ я обвиненъ тобою. Говорили, что вслѣдствіе твоего перевода возмущенъ весь Римъ: всѣ требовали отъ меня врачеванія противъ этого,—не потому, чтобы я имѣлъ какую либо силу, а потому, что просившіе думали, что я имѣю нѣкоторое значеніе. Ты, переведшій это, былъ другомъ: что же ты прикажешь дѣлать мнѣ? Богу ли должно болѣе повиноваться, или лю-

дямъ (Дѣян. 5, 29)? Охранять ли существо Божіе, или утаивать обманъ сослужителя? Неужели я иначе не умилю тебя, какъ только совершивши вмѣстѣ съ тобою достойное обвиненія? Если бы ты не сдѣлалъ никакого упоминанія о моемъ имени, если бы ты не надѣлилъ меня превосходными похвалами, то я могъ бы имѣть нѣкоторое убѣжище и скрыть разности, чтобы снова не переводить переведенное. Ты, другъ, вынудилъ меня къ тому, чтобы я нѣсколько дней потратилъ на этотъ трудъ, чтобы вывести на свѣтъ то, что должна была поглотить Харибда; и однако, бывъ оскорбленъ, я сохранилъ обязанности дружбы въ отношеніи къ тебѣ и, насколько мнѣ возможно было, такъ защищалъ себя, чтобы не обвинять тебя. Ты слишкомъ наклоненъ къ подозрѣніямъ и жалобамъ, если сказанное противъ еретиковъ относишь къ своему оскорбленію. Если я не иначе могу быть твоимъ другомъ, какъ только будучи другомъ еретиковъ, то мнѣ легче будетъ перенести твою вражду, нежели ихъ дружбу.

38. Ты думаешь также, что я новую ложь выдумалъ, составивши подъ своимъ именемъ, какъ будто бы давно написанное къ тебѣ, письмо, чтобы мнѣ казаться добрымъ и скромнымъ,—письмо, котораго ты никогда вовсе не получалъ. Это весьма легко можно разяснить. Въ Римѣ есть списки его у многихъ, которые, получивши его почти за три года до сего времени, не хотѣли послать его тебѣ, зная, какіе слухи ты распускалъ на мой счетъ и какія недостойныя имени христіанина и ужасныя обвиненія ты возводилъ на меня. Я написалъ, не зная объ этомъ, какъ къ другу. Они не передали тому, о комъ знали, какъ о врагѣ, щадя и мое заблужденіе, и твою совѣсть. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, ты доказываешь, что если я написалъ къ тебѣ такое письмо, то мнѣ не слѣдовало много дурнаго писать противъ тебя въ другой книжкѣ. Въ этомъ и состоитъ вся твоя ошибка

и настоящая твоя жалоба, что ты относишь къ себѣ, какъ сказанное противъ тебя, то, что мы говоримъ противъ еретиковъ; и если мы не пощадили ихъ, то ты считаешь оскорбленнымъ себя. Неужели мы не даемъ тебѣ хлѣба, потому что ударяемъ камнемъ о мозгъ еретиковъ? И чтобы не подтвердить нашего письма, ты говоришь, что оно было подержано также подобнымъ обманомъ папы Анастасія, относительно котораго я прежде отвѣтилъ. Если ты подозреваешь, что оно не принадлежитъ ему, то можешь уличить насъ предъ нимъ во лжи. Если же оно его, какъ доказываютъ это также и письма въ настоящій годъ писанныя противъ тебя, то ты напрасно стараешься ложью доказать подложность (письма), когда изъ подлиннаго письма его мы можемъ доказать подлинность нашего.

39. Оправдываясь въ своей лжи, ты хотѣлъ быть какъ можно болѣе пріятнымъ: чтобы не представлять шести тысячъ книгъ Оригена, ты требуешь отъ меня подлинныхъ произведеній Пифагора. Гдѣ та самоувѣренность, съ какою ты, съ надутыми щеками, весьма часто кричалъ, что ты въ книгахъ *περί Ἀρχῶν* исправилъ то, что читалъ въ другихъ книгахъ Оригена, и что не чужое, а свое присоединилъ къ своему? Изъ такого лѣса книгъ ты не можешь представить ни одного деревца или стебелька. Вотъ истинный дымъ, истинный туманъ, относительно котораго ты, обвиняя меня, въ то же время узнаешь, что онъ мною уничтоженъ и разсѣянъ въ тебѣ, и, сломавши шею, не унимаешься, но съ большимъ безстыдствомъ, чѣмъ невѣжествомъ, говоришь, что я отрицаю очевидное, говоришь для того, чтобы пообѣщавъ золотыя горы, не вынуть даже кожаной монеты изъ своихъ сокровищъ. Признаю справедливость твоей ненависти ко мнѣ и того безумія, съ которымъ ты неистовствуешь противъ меня. Ибо если бы я смѣло не потребовалъ того, чего нѣтъ, то казалось бы что у тебя есть то, чего нѣтъ. Ты требу-

ешь отъ меня книгъ Пифагора? Но кто тебѣ сказалъ, что существуютъ его книги? Неужели объ этомъ говорится въ моемъ письмѣ, которое ты обвиняешь? «Но пусть я заблуждался въ юности и, образовавши себя изученіемъ философовъ, то есть язычниковъ, не зналъ основныхъ догматовъ христіанской вѣры и думалъ у апостоловъ видѣть тоже, что я читалъ у Пифагора, Платона и Эмпедокла». Я говорилъ не о книгахъ ихъ, а объ ученіяхъ, которыя я могъ узнать изъ Цицерона, Брута и Сенеки. Прочитай рѣчь въ защиту Ватинія и другія, гдѣ упоминается о пріятельскихъ кружкахъ (Пифагорейцевъ). Разверни діалоги Туллія, посмотри на всю Италійскую область, называвшуюся нѣкогда Великою Греціей,—и ты узнаешь Пифагоровы ученія, вырѣзанныя на мѣдныхъ доскахъ, выставленныхъ для народа. Кому принадлежатъ извѣстные χρυσὰ παραγγέλματα (золотыя объявленія)? Не Пифагору ли? Въ нихъ вкратцѣ содержатся всѣ его положенія и ихъ въ весьма обширномъ трудѣ комментировалъ философъ Ямвлихъ, подражая отчасти Модерату, весьма краснорѣчивому мужу, и Архиппу и Лизиду, слушателямъ Пифагора. Изъ нихъ Архиппъ и Лизидъ имѣли школы въ Греціи, именно въ Фивахъ, и хорошо помня наставленія учителя, вмѣсто книгъ пользовались умомъ его. Ими сообщено, извѣстное выраженіе: φυλαγευτέον πάση μηχανῇ, καὶ περικοπτέον πυρὶ καὶ σιδήρῳ καὶ μηχαναῖς παντοδαύς, ἀπὸ μὲν σώματος νόσον, ἀπὸ δὲ ψυχῆς ἀμαθίαν, κοιλίας δὲ πολυτέλειαν, πόλεως δὲ στάσιν, οἴκου δὲ διχοφροσύνην, ὁμοῦ δὲ πάντων ἀμετρίαν. Это можно перевести такъ: нужно всячески изгонять и посредствомъ огня и желѣза и всѣми средствами удалять отъ тѣла болѣзнь, отъ души невѣжество, отъ чрева роскошь, отъ города возстаніе, отъ дома раздоръ и вообще отъ всего неумѣренность. Пифагору принадлежатъ и извѣстныя наставленія: *«у друзей все общее; другъ есть второе я»*; *«о двухъ временахъ въ особенности нужно заботиться, объ утрѣ и о вечерѣ»*, то есть

о томъ, что мы имѣемъ сдѣлать, и о томъ, что мы сдѣлали; *«послѣ Бога нужно почитать истину, которая одна только дѣлаетъ людей самыми близкими къ Богу»*. Тоже нужно сказать и объ извѣстныхъ приточныхъ изреченіяхъ, которыя Аристотель весьма тщательно излагаетъ въ своихъ книгахъ: *«не перепрыгивай черезъ безмѣръ»*, то есть не нарушай справедливости; *«не коли огонь мечемъ»*, то есть раздраженнаго и взволнованнаго не затрогивай бранными словами; *«не нужно срывать вѣника»*, то есть нужно соблюдать законы городовъ; *«сердца не слѣдуетъ псть»*, то есть скорбь нужно удалять изъ души; *«отправившись не возвращайся»*, то есть не желай этой жизни послѣ смерти; *«по общей дорогѣ не ходи»*, то есть не слѣдуй заблужденіямъ многихъ; *«ласточку не нужно принимать въ домъ»*, то есть людей болтливыхъ и говорливыхъ не нужно держать подъ одною кровлею; *«на несущихъ тяжесть нужно налагать новую тяжесть, а на слагающихъ не налагать»*, то есть для живущихъ добродѣтельно нужно умножать требованія, а предающихся праздности нужно оставлять въ покоѣ. И такъ какъ я сказалъ, что я читалъ Пифагоровы ученія, то послушай, что Пифагоръ у Грековъ открылъ первый: *«души безсмертны и изъ однихъ тѣлъ переходятъ въ другія»* Слѣдуя этому ученію и Виргилій въ шестой книгѣ Энеиды говоритъ:

По истеченіи тысячелѣтняго вѣка, тѣ души
 Богъ призываетъ великой толпою къ источнику Леты,
 Чтобы въ забвеніи опять возвратились къ небесному свѣту,
 Начали новую жизнь, облекаясь въ новое тѣло ¹⁾.

40. Онъ говорилъ, что во первыхъ онъ былъ Эвфорбомъ, во вторыхъ Каллидомъ, въ третьихъ Гермотимомъ, въ

¹⁾ Virg. Aen. VI, 748—751.

четвертыхъ Пирромъ, наконецъ Пифагоромъ; что послѣ опредѣленныхъ періодовъ времени снова дѣлается то, что было прежде; что мы ничего не видимъ новаго въ мірѣ; что философія есть размышленіе о смерти, что она выводитъ на свободу душу, постоянно стремящуюся изъ темницы тѣла; что μαθήσεις ἀναμνήσεις, то есть ученіе есть воспоминаніе, и многому другому онъ училъ, что Платонъ излагаетъ въ своихъ книгахъ, и преимущественно въ Федонѣ и Тимей. Ибо, послѣ Академіи и безчисленныхъ учениковъ, замѣчая, что многого недостаетъ его ученію, онъ пришелъ въ Великую Грецію и тамъ, изучивши ученіе Пифагора чрезъ Архита Тарентскаго и Тимея Локрсаго, соединилъ съ его ученіями изящество и остроуміе Сократа. Въ перенесеніи всего этого подъ измѣненнымъ названіемъ въ свои книги περί Ἀρχόν и обвиняють Оригена. Такъ въ чемъ же я погрѣшилъ, если въ юности сказалъ, что я полагалъ, что и у апостоловъ заключается то, что я читалъ у Пифагора, Платона и Емпедокла? Я сказалъ это не въ томъ смыслѣ, какъ ты обвиняешь и воображаешь, что я читалъ это *въ книгахъ* Пифагора, Платона и Емпедокла, а въ томъ что я читалъ, что такъ они учили, что изъ сочиненій другихъ я узналъ объ этомъ ученіи ихъ. И такой родъ выраженія весьма употребителенъ, какъ если бы напр. я сказалъ, что считалъ истинными мнѣнія, о которыхъ читалъ у Сократа,—не въ томъ смыслѣ, что Сократъ писалъ какія либо книги, а въ томъ, что читалъ объ этомъ ученіи Сократа у Платона и у другихъ софратиковъ. Или еслибы я сказалъ: я хотѣлъ подражать дѣяніямъ, о которыхъ читалъ у Александра и Сципіона; это не то значить, что они сами описали свои дѣянія, но что у другихъ читалъ я объ ихъ дѣяніяхъ, которымъ удивлялся. Итакъ, если бы я даже не могъ сказать, что существуютъ памятники самого Пифагора, и если бы я не могъ доказать ихъ свидѣтельствами сына, дочери и другихъ учени-

ковъ, то ты не уличилъ бы меня во лжи, потому что я читалъ не книги, а ученія. Поэтому ты напрасно заблуждаешься, будто я хотѣлъ покрыть твою ложь, такъ что ты лишишься шести тысячъ книгъ Оригена только тогда, если я представлю одну книгу Писагора.

41. Перейду къ эпилогамъ, то есть къ твоимъ злословіямъ, въ которыхъ ты призываешь меня къ покаянію и грозишь мнѣ гибелью, если я не обращусь, то есть, если не буду молчать при твоихъ обвиненіяхъ. Ты объявляешь, что этотъ скандалъ падетъ на мою голову, такъ какъ я, будто бы, своимъ отвѣтомъ вызвалъ тебя, человека самаго тихаго и обладающаго кротостію Моисея, на безумное писанье. Ты хвалишься, что знаешь мои преступленія, въ которыхъ я тебѣ одному, какъ ближайшему другу, признался,—что ты обнародуешь ихъ, что меня нужно изобразить моими красками и что я долженъ помнить, какъ я лежалъ у ногъ твоихъ, чтобы ты мечемъ устъ своихъ не отсѣкъ головы моей. И послѣ многого, въ чемъ ты бѣснуешься выходя изъ себя, ты сдерживаешься и говоришь, что желаешь мира съ условіемъ только, чтобы я впредь молчалъ, то есть чтобы не писалъ противъ еретиковъ и не смѣлъ отвѣчать на твое обвиненіе. Если я это сдѣлаю, то буду братомъ, товарищемъ, краснорѣчивѣйшимъ мужемъ, другомъ и пріятелемъ и,—что важнѣе этого,—ты признаешь православнымъ все, переведенное мною изъ Оригена. Если же я издамъ звукъ или шевельнусь, то тотчасъ буду нечистымъ, еретикомъ и недостойнымъ твоей дружбы. Таковы похвалы мнѣ, такъ ты убѣждаешь меня къ миру; для моей скорби ты не разрѣшаешь даже стоновъ и свободныхъ слезъ.

42. Могъ бы и я изобразить тебя твоими красками и неистовствовать противъ неистовствующаго, говорить все, что только я знаю или не знаю, съ такою же свободою или, вѣрнѣе, съ бѣшенствомъ и безуміемъ собирать и ложь и истину, чтобы

и мнѣ было стыдно говорить и тебѣ слушать, и ставить тебѣ въ вину то, что осуждало бы или обвиняющаго или обвиненнаго, возбуждая довѣріе въ читателейъ безсовѣстностію, чтобы думали, что мною справедливо написано то, что я написалъ бы безстыдно. Но да будетъ чуждо нравамъ христіанъ то, чтобы тогда какъ другіе ищутъ крови ихъ, они сами выдавали свою и добровольно безъ меча дѣлались убійцами. Это свойственно твоей благодати, твоей кротости и простотѣ, такъ какъ ты, изъ одной и тойже сорной бучи сердца распространяешь и запахъ розъ, и смрадъ труповъ, и, вопреки изреченію пророка (Ис. 5, 20), называешь горькимъ то, что хвалилъ какъ сладкое. Нѣтъ надобности въ церковныхъ трактатахъ заниматься дѣломъ, подлежащимъ гражданскому и суду, ты не услышишь болѣе объ этомъ ничего, кромѣ извѣстнаго выраженія изъ учебниковъ: «если скажешь то, что желаешь, то услышишь то, чего не желаешь». Если же народная поговорка кажется тебѣ низкою, и если ты, какъ мудрѣйшій человѣкъ, болѣе любишь сужденія философовъ и поэтовъ, то прочитай Гомеровское:

‘Οποιον κ’ εἰπῇς εἰς πόλιν, τοῖον κ’ ἐπακοῦσας.

(Что человѣку ты скажешь, то отъ него и услышишь!)¹⁾.

Объ одномъ только я хочу освѣдомиться у твоей необычайной святости и строгости (чистота которой такова, что демоны рыкаютъ у твоихъ платковъ и препоисаній): чьему примѣру ты слѣдуешь, когда пишешь? Кто когда либо изъ православныхъ, препираясь съ сектантами, выставялъ свое безстыдство тому, противъ кого онъ пишетъ? Такъ ли научили тебя твои учителя? Неужели тебѣ внушены такія правила, чтобы тому, кому ты не въ состояніи отвѣчать, — снимать голову и отрѣзывать языкъ, который не можетъ молчать? Не

¹⁾ Iliad. XX. 250.

хвались слишкомъ много, если ты дѣлаешь тоже, что могутъ дѣлать скорпіоны и кантариды ¹⁾. Это дѣлали и Фульвія съ Цицерономъ и Иродіада съ Іоанномъ: онѣ не могли слышать истину, — и языкъ, горящій правду, искололи головою шпилькою. Псы лаютъ за своихъ господъ, а ты не хочешь, чтобы я лаялъ за Христа? Многіе писали противъ Маркіона, Валентина, Арія и Евномія. Кто изъ писавшихъ выставялъ противъ нихъ безстыдную ложь? Не предавались ли они всецѣло только опроверженію ереси? Это пріемы еретиковъ, то есть твоихъ учителей, что будучи уличены въ неправовѣріи, они обращаются къ злословію. Такимъ образомъ и Евстаѳій, епископъ антиохійскій, напелъ сыновей, не зная ихъ ²⁾. Такъ и Аѳанасій, епископъ города Александріи, отсѣкъ третью руку у Арсенія ³⁾. Ибо тогда какъ прежде его выдавали за умершаго, впоследствии оказалось, что онъ живъ и имѣетъ обѣ руки. Подобное теперь измышляютъ твои ученики и учителя о святителѣ той же церкви и ведутъ борьбу противъ истинной вѣры золотомъ, то есть своими силами и силами твоихъ приверженцевъ. Что сказать о еретикахъ, которые хотя стоятъ въѣ (церкви), однако называютъ себя христианами? Сколь знаменитые изъ нашихъ писали противъ нечестивѣйшихъ Цельса и Порфирія! Кто, оставивши дѣло, занимался не нужнымъ обвиненіемъ въ преступленіяхъ? Объ этомъ должны говорить не церковныя сочиненія, а документы судей. Да и какая польза отъ того, если ты дѣло проиграешь, а обвиненіе докажешь? И тебѣ нѣтъ необходимости, рискуя своею головою, доносить: ты можешь удовлет-

¹⁾ Ядовитыя насекомыя.

²⁾ Аріане подкупили одну женщину, чтобы она увѣряла, что ей сынъ рожденъ ею отъ связи съ епископомъ Евстаѳіемъ.

³⁾ Аріане клеветали на Аѳанасія, что онъ отсѣкъ руку у Арсенія. Но Арсеній лично доказалъ, что у него цѣлы обѣ руки.

ворить своему желанію подкупивши одного убійцу. И ты еще притворяешься, будто боишься соблазна,—когда ты готовъ убить бывшаго когда-то братомъ, теперь—обвиненнаго и всегда—врага своего. Тѣмъ не менѣе я удивляюсь, какимъ образомъ ты, человѣкъ благоразумный, вслѣдствіе раздраженія, хочешь оказать мнѣ такое благодѣяніе, чтобы извести изъ темницы душу мою и не потерпѣть, чтобы я оставался вмѣстѣ съ тобою во мракѣ вѣка сего.

43. Итакъ, ты хочешь, чтобы я молчалъ? Не обвиняй. Положи мечъ, и я брошу щитъ. Въ одномъ я не могу согласиться съ тобою: чтобы щадить еретиковъ, чтобы не доказывать своего православія. Если въ этомъ причина несогласія, то могу умереть, но молчать не могу. Хотя я долженъ былъ отвѣчать твоему безумію изъ всего Писанія и, подобно Давиду, игравшему на цитрѣ, божественными глаголами укротить неистовство сердца твоего; но я ограничусь немногими свидѣтельствами одной книги и глупости противупоставлю мудрость, чтобы ты не пренебрегала по крайней мѣрѣ небеснымъ, если презираешь человѣческое. Итакъ послушай, что о тебѣ и о всѣхъ недоброжелательныхъ, злорѣчивыхъ и любопытныхъ говоритъ премудрый Соломонъ: *безуміи досады суще желательнѣе, нечестивіи бывше, возненавидѣнша чувство* (Притч. 1, 22). *Не соплетай на друга твоего зла* (Притч. 3, 29). *Не враждуй на чело-вѣка твоего* (3, 30). *Нечестивіи вознесоша безчестіе* (3, 35). *Отъими отъ себе строптивя уста и обидливы устны далече отъ тебе отрини: око досадителя, языкъ неправедный, руцѣ, проливающыя кровь праведнаго, и сердце, кующее мысли злы, и нозѣ, тщащіяся зло творити* (4, 24; 6, 17. 18). *Иже утверждается на лжахъ, сей посѣтъ вѣтры, той же поженетъ птицы парящія; остави бо пути своего винограда, въ стѣзяхъ же своего земледѣланія заблуди, проходитъ же*

сквозь пустыню безводную и землю, определенную въ жаждѣхъ, собираетъ же руками неплодіе (9, 12). Уста продержаго приближаются сокрушенію; износящій же укоризну безумнѣйшій суть (10, 14. 18). Душа благославенна всякая простая; мужъ ярый не благообразенъ (11, 25). За грѣхъ устенъ впадаетъ въ сѣти грѣшникъ (12, 13). Путіе безумныхъ правы предъ ними (12, 15). Безумный абіе исповѣсть гнѣвъ свой (12, 16). Мерзость Господеви устнѣ лживы (12, 22). Иже хранитъ своя уста, соблюдаетъ свою душу; продерживый же устнами устрашитъ себе (13, 3). Злый съ досажденіемъ творитъ злая, безумный же простретъ свою злобу (13, 17). Взыщещи премудрости у злыхъ и не обрящещи (14, 6). Путей своихъ насытитъ дерзосердый (14, 14). Премудръ уболеся, уклонится отъ зла; безумный же на себе надѣвся, слышавается съ нимъ (14, 16). Долготерпѣливъ мужъ много въ разумъ; малодушный же крѣпко безуменъ (14, 29). Оклеветаяя убогаго раздражаетъ сотворшаго и (14, 31). Языкъ мудрыхъ добрая свѣсть, уста же безумныхъ возвращаютъ злая (15, 2). Мужъ ярый устрояетъ брани (15, 18). Нечистъ предъ Богомъ всякъ надменный сердцемъ, въ руку же руцѣ влагая неправедно не обезвинится (16, 5). Любяй животъ свой щадитъ своя уста (16, 17). Прежде сокрушенія предваряетъ досажденіе, прежде же паденія злоумышленіе (16, 18). Утверждаей очи свои мыслитъ развращенная и своими устами опредѣляетъ злая (16, 30). Устнѣ безумнаго приводятъ его на зло, уста же его дерзостная призываютъ смерть (18, 6). Злоуменъ мужъ много отщечитися (19, 19). Лучше нищъ праведный, нежели богатъ лживъ (19, 22). Слава мужу отвращатися отъ досажденія; всякъ же безуменъ сими соплетается (20, 3).

АПОЛОГІЯ ПРОТІВЪ РУФИНА, КН. 3.

Не люби клеветати, чтобы не погибнуть (20, 13). Сладокъ есть человеку хлѣбъ лжи; но потомъ исполнятся уста его каменія (20, 17). Дѣлаяй сокровища языкомъ лживымъ, суетная гонитъ и впадетъ въ сѣти смертныя (21, 6). Во ушю безумнаго ничто же глаголи, да не когда поругаетъ разумная словеса твоя (23, 9). Дреколь и мечъ и стрѣла пагубны; тако и мужъ, свидѣтельствуя на друга своего свидѣтельства ложное (25, 18). Якоже птицы отлетаютъ и вѣбѣе; тако клятва суетная не найдетъ ни на кого же (26, 2). Не отвѣщай безумному по безумію его, да не подобенъ ему будешь; но отвѣщай безумному по безумію его, да не явится мудръ у себе (26, 4. 5). Коварствующи надъ своими други, егда увидѣни будутъ, глаголютъ, яко игралъ содѣлахъ (26, 19). Огнѣе углю и дрова огнѣи, мужъ же клеветливъ въ мѣтежъ свара (26, 21). Аще ты молишь врагъ велимъ гласомъ, не вѣруй ему; седмъ бо есть лукавствій въ души его (26, 25). Тяжко камень и неудобносно песокъ, гнѣвъ же безумнаго тѣжшій обою. Безмилостивна ярость и остръ гнѣвъ; но ничтоже постоитъ ревности (27, 3. 4). Продерзый въ нечестіихъ оклеветаетъ нищія (28, 3). Иже надѣется на дерзо сердце, таковой безуменъ (28, 26). Весь гнѣвъ свой произноситъ безумный, премудрый же скрываетъ по части (29, 11). Чадозло мечъ зубы имать и членовныя яко съчиво, еже губити и поядати смиренныя отъ земли (30, 14). Итакъ, вразумленный этими свидѣтельствами, я не захотѣлъ уязвлять уязвляющаго и гъ свою очередь платить ему тѣмъ же; но предпочелъ заклѣсть безуміе неистовствующаго и въ грудь, отравленную ядомъ, влить противудіе одной книги. Но опасаясь, что, ничего не достигши, я буду вынужденъ сказать извѣстное Давидово изреченіе и утѣшать себя слѣ-

дующими словами: *отчуждишася грѣшницы отъ ложеснѣ, заблудиша отъ чрева, глаголаша лжу. Ярость ихъ по подобію змѣи, яко аспидъ глуха и затыкающаго уши свои, иже не услышитъ гласа обавляющихъ, обаваемъ обавается отъ премудра. Богъ сокрушитъ зубы ихъ во устѣхъ ихъ; членовныя львовѣ сокрушилъ есть Господь. Уничжатся, яко вода мимотекущая; напряжетъ лукъ свой, дондеже изнемогутъ. Яко воскъ растаявъ отъимутся; паде огнь на нихъ, и не видѣша солнца (Псал. 57, 4—9). И еще: возвеселится праведникъ, егда увидитъ отмщеніе нечестивыхъ; руцѣ свои омыевъ въ крови грѣшника. И речетъ человекъ: аще убо есть плодъ праведнику, убо есть Богъ, судя имъ на земли (Псал. 57, 11. 12).*

44. Въ концѣ письма ты пишешь своею рукою: «желаю, чтобы ты любилъ миръ». На это я коротко отвѣчу: если ты желаешь мира, то сложи оружіе. Хорошъ ты ко мнѣ—могу быть въ мирѣ съ тобою; грозишь,-- не боюсь. Пусть будетъ у насъ одна вѣра, и тотчасъ послѣдуетъ миръ.